

А. Ф.
ПИСЕМСКИЙ

Избранное



Алексей Писемский

В водовороте

«Public Domain»

1871

Писемский А. Ф.

В водовороте / А. Ф. Писемский — «Public Domain», 1871

Известный роман выдающегося писателя, посвященный русской общественной жизни 60-х годов XIX века, проникнутый идеями демократизма, добра и человечности. Произведение это получило высокую оценку Л.Н.Толстого.

© Писемский А. Ф., 1871

© Public Domain, 1871

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	13
III	21
IV	30
V	36
VI	42
VII	50
VIII	56
IX	63
X	71
XI	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алексей Феофилактович Писемский

В водовороте

Роман в трех частях

Часть первая

I

По солнечной стороне Невского проспекта, часов около трех пополудни, вместе с прочею толпою, проходили двое мужчин в шляпах и в пальто с дорогими бобровыми воротниками; оба пальто были сшиты из лучшего английского трико и имели самый модный фасон, но сидели они на этих двух господах совершенно различно. Один из них был благообразный, но с нерусскою физиономией, лет 35 мужчина; он, как видно, умел носить платье: везде, где следует, оно было на нем застегнуто, оправлено и вычищено до последней степени, и вообще правильностью своей фигуры он напоминал даже несколько модную картинку. Встретившийся им кавалергардский офицер, приложив руку к золотой каске своей и слегка мотнув головой, назвал этого господина: – «Здравствуйте, барон Мингер!» – «Bonjour!»¹, – отвечал тот с несколько немецким акцентом. На товарище барона, напротив того, пальто было скорее напялено, чем надето: оно как-то лезло на нем вверх, лацканы у него неуклюже топорщились, и из-под них виднелся поношенный кашне. Сам господин был высокого роста; руки и ноги у него огромные, выражение лица неглупое и очень честное; как бы для вящей противоположности с бароном, который был причесан и выбрит безукоризнейшим образом, господин этот носил довольно неряшливую бороду и вообще всей своей наружностью походил более на фермера, чем на джентльмена, имеющего возможность носить такие дорогие пальто. Несмотря на это, однако, барон, при всем своем старании высоко-прилично и даже гордо держать себя, в отношении товарища своего обнаруживал какое-то подчиненное положение. Перед одним из книжных магазинов высокий господин вдруг круто повернул и вошел в него; барон тоже не преминул последовать за ним. Высокий господин вынул из кармана записочку и стал по ней спрашивать книг; приказчик подал ему все, какие он желал, и все они оказались из области естествознания. Высокий господин принялся заглядывать в некоторые из них, при этом немножко морщился и делал недовольную мину.

– А что, – начал он каким-то неторопливым голосом и уставляя через очки глаза на приказчика, – немецкие подлинники можно достать?

– Можно-с, – отвечал тот.

– Достаньте, пожалуйста, – протянул опять высокий господин, – и пришлите все это в Морскую, в гостиницу «Париж», Григорову... князю Григорову, – прибавил он затем, как бы больше для точности.

Во все это время барон то смотрел на одну из вывешенных новых ландкарт, то с нетерпением взглядывал на своего товарища; ему, должно быть, ужасно было скучно, и вообще, как видно, он не особенно любил посещать хранилище знаний человеческих.

– Vous dinez aujourd'hui chez votre oncle?² – спросил он тотчас же, как они вышли из магазина.

¹ Добрый день! (франц.).

² Вы обедаете сегодня у своего дяди? (франц.).

– Д-да! – отвечал протяжно Григоров.

– Je viendrai aussi!³ – подхватил скороговоркой барон.

– Bien!⁴ – проговорил, как бы по механической привычке и совершенно чистым акцентом, князь. – Приходите! – поспешил он затем сейчас же прибавить.

Барон вскоре раскланялся с ним и ушел в один из переулков; князь же продолжал неторопливо шагать по Невскому. Мелькающие у него перед глазами дорогие магазины и проезжавшие по улицам разнообразные экипажи нисколько не возбуждали его внимания, и только на самом конце Невского он, как бы чем-то уколотый, остановился: к нему, как и к другим проходящим лицам, взывала жалобным голосом крошечная девочка, вся иззябшая и звонившая в треугольник. Князь проворно вынул свой бумажник, вытащил из него первую, какая попалась ему под руку, ассигнацию и подал ее девочке: это было пять рублей серебром. Крошка от удивления раскрыла на него свои большие глаза, но князь уже повернул в Морскую и скоро был далеко от нее. Затем он пришел в гостиницу «Париж» и вошел в большой и нарядный номер. Здесь он свое ценное пальто так же небрежно, как, вероятно, и надевал его, сбросил с себя и, сев на диван, закрыл глаза в утомлении. В таком положении князь просидел до тех пор, пока не раздался звонок в его номер: это принесли ему книги из магазина. Расплатившись за них, князь сейчас же принялся читать один из немецких подлинников, причем глаза его выражали то удовольствие от прочитываемого, то какое-то недоумение, как будто бы он не совсем ясно понимал то, что прочитывал. В этом чтении князь провел часа полтора, так что официант вошел и доложил ему:

– Карета, ваше сиятельство, приехала к вам.

– Ах... да... – протянул князь, и затем он лениво встал и начал переодеваться из широкого пальто во фрак.

* * *

Дядя князя Григорова, к которому он теперь ехал обедать, был действительный тайный советник Михайло Борисович Бахтулов и принадлежал к высшим сановникам. Почти семидесятилетний старик, с красивыми седыми волосами на висках, с несколько лукавой кошачьей физиономией и носивший из всех знаков отличия один только портрет покойного государя⁵, осыпанный брильянтами, Михайло Борисович в молодости получил прекрасное, по тогдашнему времени, воспитание и с первых же шагов на службе быстро пошел вперед. Трудно, конечно, утверждать, чтобы Михайло Борисович имел собственно какие-либо высшие государственные способности, но зато положительно можно оказать, что он владел необыкновенным даром (качество, весьма нужное для государственных людей) – даром умно и тонко льстить. Лицо, которому он желал или находил нужным льстить, никогда не чувствовало, что он ему льстит; напротив того, все слова его казались ему дышащими правдою и даже некоторою строгостью. Однажды – это было, когда Михайле Борисовичу стукнуло уже за шестьдесят – перед началом одной духовной церемонии кто-то заметил ему: «Ваше высокопревосходительство, вы бы изволили сесть, пока служба не началась»... – «Мой милый друг, – отвечал он громко и потрепав ласково говорившего по плечу, – из бесконечного моего уважения к богу я с детства сделал привычку никогда в церкви не садиться»... Михайло Борисович как будто бы богу даже желал льстить и хотел в храме его быть приятным ему... Любимец трех государей⁶, Михайло Борисович в прежнее суровое время как-то двоился: в кабинете своем он был друг ученых и

³ Я тоже приду! (франц.).

⁴ Хорошо! (франц.).

⁵ ...покойного государя – императора Николая I (1796—1855).

⁶ Любимец трех государей – Александра I, Николая I и Александра II.

литераторов и говорил в известном тоне, а в государственной деятельности своей все старался свести на почву законов, которые он знал от доски до доски наизусть и с этой стороны, по общему мнению, был непреборим. В настоящее же время Михайло Борисович был одинаков как у себя дома, так и на службе, и дома даже консервативнее, и некоторым своим близким друзьям на ушко говаривал: – «Слишком распускают, слишком!». Детей Михайло Борисович не имел и жил с своей старушкой-женой в довольно скромной, по его положению, квартире: он любил власть, но не любил роскоши. Марья Васильевна Бахтулова (родная тетка князя Григорова) была кротчайшее и добрейшее существо. Племянника своего она обожала; когда он был в лицее⁷, она беспрестанно брала его к себе на праздники, умывала, причесывала, целовала, закармливала сладостями, наделяла деньгами и потом, что было совершенно противно ее правилам и понятиям, способствовала его рановременному браку с одной весьма небогатой девушкой. Сам Михайло Борисович как-то игнорировал племянника и смотрел на него чересчур свысока: он вообще весь род князей Григоровых, судя по супруге своей, считал не совсем умным. Племянник, в свою очередь, не отдавая себе отчета, за что именно, ненавидел дядю.

За полчаса до обеда Михайло Борисович сидел в своей гостиной с толстым, короткошейным генералом, который своими отвисшими брылями⁸ и приплюснутым носом напоминал отчасти бульдога, но только не с глупыми, большими, кровавыми глазами, а с маленькими, серыми, ушедшими внутрь под брови и блистающими необыкновенно умным, пронизывающим человеческим блеском. Кроткая Марья Васильевна была тут же: она сидела и мечтала, что вот скоро придет ее Гриша (князь Григоров тем, что пребывал в Петербурге около месяца, доставлял тетке бесконечное блаженство). «Он придет, она налюбуется на него, наглядится, – глаза у него ужасно похожи на глаза ее покойного брата. Конечно, брат ее был больше комильфо⁹. О, он был истинный петиметр»¹⁰... – и лицо Марьи Васильевны принимало при этом несколько гордое выражение. «У Гриши манеры хуже, но зато он ученый!.. Философ!» – утешала себя и в этом отношении старушка. Михайло Борисович был на этот раз в несколько недовольном и как бы неловком положении, а толстый генерал почти что в озлобленном. Он сейчас хлопотал было оплести Михайла Борисовича по одному делу, но тот догадался и уперся. Генерал очень хорошо знал, что в прежнее, более суровое время Михайло Борисович не стал бы ему очень противодействовать и даже привел бы, вероятно, статью закона, подтверждающую желание генерала, а теперь... «О, старая лисица, совсем перекинулся на другую сторону!..» – думал он со скрежетом зубов и готов был растерзать Михайла Борисовича на кусочки, а между тем должен был ограничиваться только тем, что сидел и недовольно пыхтел: для некоторых темпераментов подобное положение ужасно! Наконец, вошел лакей и доложил:

– Барон Мингер.

– Прости! – сказал Михайло Борисович с явным удовольствием на лице.

Глаза старушки Бахтуловой тоже заблистали еще более добрым чувством. Барон вошел. Во фраке и в туго накрахмаленном белье он стал походить еще более на журнальную картинку. Прежде всех он поклонился Михайле Борисовичу, который протянул ему руку хоть несколько и фамильярно, но в то же время с тем добрым выражением, с каким обыкновенно начальники встречают своих любимых подчиненных.

Барон еще на школьной скамейке подружился с князем Григоровым, познакомился через него с Бахтуловым, поступил к тому прямо на службу по выходе из заведения и был теперь один из самых близких домашних людей Михайла Борисовича. Служебная карьера через это открывалась барону великолепнейшая.

⁷ Лицей – Александровский лицей в Петербурге, ранее находившийся в Царском Селе. Основан в 1811 году.

⁸ Брыли – отвисшие губы или щеки.

⁹ Комильфо (от франц. *comme il faut* – «как надлежит») в данном случае, каким надлежит быть светскому благовоспитанному человеку (в манерах и одежде).

¹⁰ Петиметр – модный щеголь (слово, бывшее употребительным в России в XVIII веке).

Толстому генералу он тоже поклонился довольно низко, но тот в ответ на это едва мотнул ему головой. После того барон подошел к Марье Васильевне, поцеловал у нее руку и сел около нее.

- Что, видели вы сегодня Гришу? – спросила она его ласково.
- Видел. Он сейчас будет сюда, – отвечал барон почтительным голосом.
- Да, вероятно, – подтвердила старушка с удовольствием.

Это говорили они о князе Григорове, который и сам вскоре показался в гостиной всей своей громадной фигурой. Он был тоже во фраке и от этого казался еще выше ростом и еще неуклюжее. Он как-то притворно-радушно поклонился дяде, взглянул на генерала и не поклонился ему; улыбнулся тетке (и улыбка его в этом случае была гораздо добрее и искреннее), а потом, кивнув головой небрежно барону, уселся на один из отдаленных диванов, и лицо его вслед за тем приняло скучающее и недовольное выражение, так что Марья Васильевна не преминула спросить его встревоженным голосом:

- Ты здоров, Гриша?
- Здоров! – отвечал он ей, мрачно смотря себе на руки.

Старый генерал вскоре поднялся. Он совершенно казенным образом наклонил перед хозяйкой свой стан, а Михайле Борисовичу, стоя к нему боком и не поворачиваясь, протянул руку, которую тот с своей стороны крепко пожал и пошел проводить генерала до половины залы.

Возвратясь оттуда, Михайло Борисович уселся на прежнее свое место и, кажется, был очень доволен, что остался между своими.

- Удивительные есть люди! – произнес он как бы больше сам с собой.

Барон при этом обратился весь во внимание.

– Вы, может быть, знаете, – отнесся уже прямо к нему Михайло Борисович, – что одно известное лицо желает продать свой дом в казну.

Барон наклонением головы своей изъяснил, что он знает это.

– А этот господин, – продолжал Михайло Борисович, мотнув головой на дверь и явно разумея под именем господина ушедшего генерала, – желает получить известное место, и между ними произошло, вероятно, такого рода *facio ut facias*¹¹: «вы-де схлопочите мне место, а я у вас куплю за это дом в мое ведомство»... А? – заключил Михайло Борисович, устремляя на барона смеющийся взгляд, а тот при этом сейчас же потупился, как будто бы ему даже совестно было слушать подобные вещи.

– Ну, и черт их там дери! – снова продолжал Михайло Борисович, нахмуривая свои брови. – Делали бы сами, как хотят, так нет-с!.. Нет!.. – даже взвизгнул он. – Сегодня этот господин приезжает ко мне и прямо просит, чтобы я вотировал¹² за подобное предположение. «Яков Петрович! – говорю я. – Я всегда был против всякого рода казенных фабрик, заводов, домов; а в настоящее время, когда мы начинаем немножко освобождаться от этого, я вотировать за такое предположение просто считаю для себя делом законопреступным».

– Это совершенно справедливо-с, – подхватил вежливо барон, – но дом все-таки, вероятно, будет куплен, и господин этот получит желаемое место.

Михайло Борисович на довольно продолжительное время пожал своими плечами.

– Очень может быть, по французской поговорке: будь жаден, как кошка, и ты в жизни получишь вдвое больше против того, чего стоишь! – произнес он не без грусти.

Пока происходил этот разговор, Марья Васильевна, видя, что барон, начав говорить с Михайлом Борисовичем, как бы случайно встал перед ним на ноги, воспользовалась этим и села рядом с племянником.

¹¹ я делаю, чтобы ты делал (лат.).

¹² Вотировать – голосовать (от франц. voter).

– Завтра едешь? – спросила она его ласковым голосом.

– Завтра, *ma tante*¹³, – отвечал тот, держа по-прежнему голову в грустно-наклоненном положении.

– Жаль мне, друг мой, очень жаль с тобой расстаться, – продолжала старушка: на глазах ее уже появились слезы.

– Что делать, *ma tante*, – отвечал князь; видимо, что ему в одно и то же время жалко и скучно было слушать тетку.

– Нынешней весной, если только Михайло Борисович не увезет меня за границу, непременно приеду к вам в Москву, непременно!.. – заключила она и, желая даже как бы физически поласкать племянника, свою маленькую и сморщенную ручку положила на его жилистую и покрытую волосами ручищу.

– Приезжайте, – отвечал он, а сам при этом слегка старался высвободить свою руку из-под руки тетки.

– Пойдемте, однако, обедать! – воскликнул Михайло Борисович.

Все пошли.

Когда первое чувство голода было удовлетворено, между Михайлом Борисовичем и бароном снова начался разговор и по-прежнему о том же генерале.

– Мне говорил один очень хорошо знающий его человек, – начал барон, потупляясь и слегка дотрагиваясь своими красивыми, длинными руками до серебряных черенков вилки и ножа (голос барона был при этом как бы несколько нерешителен, может быть, потому, что высокопоставленные лица иногда не любят, чтобы низшие лица резко выражались о других высокопоставленных лицах), – что он вовсе не так умен, как об нем обыкновенно говорят.

– Не знаю-с, насколько он умен! – резко отвечал Михайло Борисович, выпивая при этом свою обычную рюмку портвейну; в сущности он очень хорошо знал, что генерал был умен, но только тот всегда подавлял его своей аляповатой и действительно уж ни перед чем не останавливающейся натурой, а потому Михайло Борисович издавна его ненавидел.

– И что вся его энергия, – продолжал барон несколько уже посмелее, – ограничивается тем, что он муштрует и гонит подчиненных своих и на костях их, так сказать, зиждет свою славу.

Михайло Борисович усмехнулся.

– Есть это немножко!.. Любим мы из себя представить чисто метущую метлу... По моему-с, – продолжал он, откидываясь на задок кресел и, видимо, приготавливаясь сказать довольно длинную речь, – я чиновника долго к себе не возьму, не узнав в нем прежде человека; но, раз взяв его, я не буду считать его пешкой, которую можно и переставить и вышвырнуть как угодно.

– Вы, ваше высокопревосходительство, такой начальник, что...

И барон не закончил даже своей мысли от полноты чувств.

Михайло Борисович тоже на этот раз как-то более обыкновенного расчувствовался.

– Не знаю-с, какой я начальник! – произнес он голосом, полным некоторой торжественности. – Но знаю, что состав моих чиновников по своим умственным и нравственным качествам, конечно, есть лучший в Петербурге...

– Служить у вас, ваше высокопревосходительство... – начал барон и снова не закончил.

На этот раз его перебил князь Григоров, который в продолжение всего обеда хмурился, тупился, смотрел себе в тарелку и, наконец, как бы не утерпев, произнес на всю залу:

– Я бы никогда не мог служить у начальника, который меня любит!

Барон и Михайло Борисович вопросительно взглянули на него.

¹³ моя тетушка (франц.).

– Между начальником и подчиненным должны быть единственные отношения: начальник должен строго требовать от подчиненного исполнения его обязанностей, а тот должен строго исполнять их.

– Да это так обыкновенно и бывает!.. – возразил Михайло Борисович.

– Нет, не так-с! – продолжал князь, краснея в лице. – Любимцы у нас не столько служат, сколько услуживают женам, дочерям, любовницам начальников...

Марья Васильевна обмерла от страха. Слова племянника были слишком дерзки, потому что барон именно и оказывал Михайле Борисовичу некоторые услуги по поводу одной его старческой и, разумеется, чисто физической привязанности на стороне: он эту привязанность сопровождал в театр, на гулянье, и вообще даже несколько надзирал за ней. Старушка все это очень хорошо знала и от всей души прощала мужу и барону.

Михайло Борисович, в свою очередь, сильно рассердился на племянника.

– То, что ты говоришь, нисколько не относится к нашему разговору, – произнес он, едва сдерживая себя.

Барон старался придать себе вид, что он нисколько не понял намека Григорова.

– Я не к вашему разговору, а так сказал! – отвечал тот, опять уже потупляясь в тарелку.

– Да, ты это так сказал! – произнес насмешливо Михайло Борисович.

– Так сказал-с! – повторил Григоров кротко.

Марья Васильевна отошла душою.

Обед вскоре после того кончился. Князь, встав из-за стола, взялся за шляпу и стал прощаться с дядей.

– А курить? – спросил его тот лаконически.

– Не хочу-с! – отвечал ему князь тоже лаконически.

– Ну, как знаешь! – произнес Михайло Борисович.

В голосе старика невольно слышалась еще не остывшая досада; затем он, мотнув пригласительно барону головой, ушел с ним в кабинет.

С Марьей Васильевной князю не так скоро удалось проститься. Она непременно заставила его зайти к ней в спальню; здесь она из дорогой божницы вынула деревянный крестик и подала его князю.

– Отвези это княгинюшке от меня и скажи ей, чтобы она сейчас же надела его: это с Геннадия преподобного, – непременно будут дети.

Князь не без удивления взглянул на тетку, но крестик, однако, взял.

– Что смотришь? Это не для тебя, а для княгинюшки, которая у тебя умная и добрая... гораздо лучше тебя!.. – говорила старушка.

Князь стал у ней на прощанье целовать руку.

– И поверь ты, друг мой, – продолжала Марья Васильевна каким-то уже строгим и внушительным голосом, – пока ты не будешь веровать в бога, никогда и ни в чем тебе не будет счастья в жизни.

– Я верую, тетушка, – проговорил князь.

– Ну! – возразила старушка и затем, перекрестив племянника, отпустила его, наконец.

В кабинете между тем тоже шел разговор о князе Григорове.

– Я пойду, однако, прощусь с князем, – проговорил было барон, закуривая очень хорошую сигару, которую предложил ему Михайло Борисович.

– Оставьте его! – произнес тот тем же досадливым голосом.

Барон остался и не пошел.

– Странный человек – князь! – сказал он после короткого молчания.

– Просто дурак! – решил Михайло Борисович. – Хорошую жизнь ведет: не служит, ни делами своими не занимается, а ездит только из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву.

– Да, жизнь не очень деятельная! – заметил с улыбкою барон.

– Дурак! – сказал еще раз Михайло Борисович; он никогда еще так резко не отзывался о племяннике: тот очень рассердил его последним замечанием своим.

Князь в это время шагал по Невскому. Карету он обыкновенно всегда отпускал и ездил в ней только туда, куда ему надобно было очень чистым и незагрязненным явиться. Чем ближе он подходил к своей гостинице, тем быстрее шел и, придя к себе в номер, сейчас же принялся писать, как бы спеша передать волновавшие его чувствования.

«Добрая Елена Николаевна! – писал он скорым и малоразборчивым почерком. – Несмотря на то, что через какие-нибудь полтора дня я сам возвращусь в Москву, мне все-таки хочется письменно побеседовать с вами – доказательство, как мне необходимо и дорого ваше сообщество. Никогда еще так не возмущал и не истерзывал меня официальный и чиновничий Петербург, как в нынешний приезд мой. Какая огромная привычка выработана у всех этих господ важничать, и какая под всем этим лежит пустота и даже мелочность и ничтожность характеров!.. Мне больше всех из них противны их лучшие люди, их передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отец готовил меня, а между тем он был, сколько я помню, человек не глупый, любил меня и, конечно, желал мне добра. Понимая, вероятно, что в лице мое ничему порядочному не научат, он в то же время знал, что мне оттуда дадут хороший чин и хорошее место, а в России чиновничество до такой степени все заело, в такой мере покойнее, прочнее всего, что родители обыкновенно лучше предпочитают убить, недоразвить в детях своих человека, но только чтобы сделать из них чиновника. В университетах наших очень плохо учат, но там есть какой-то научный запах; там человек, по крайней мере, может усвоить некоторые приемы, как потом образовать самого себя; но у нас и того не было. Светские манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургский лад и, наконец, бессмысленное либеральничанье, что, впрочем, есть еще самое лучшее, что преподано нам там. Грустней всего, что с таким небогатым умственным и нравственным запасом пришлось жить и действовать в очень трудное и переходное время. Вы совершенно справедливо как-то раз говорили, что нынче не только у нас, но и в европейском обществе, человеку, для того, чтобы он был не совершеннейший пошляк и поступал хоть сколько-нибудь честно и целесообразно, приходится многое самому изучить и узнать. То, что вошло в нас посредством уха и указки из воспитывающей нас среды, видимо, никуда не годится. Но чем заменить все это, что поставить вместо этого? – Естествознание, мне кажется, лучше всего может дать ответ в этом случае, потому что лучше всего может познакомить человека с самим собой; ибо он, что бы там ни говорили, прежде всего животное. Высшие его потребности, смею думать, – роскошь, без которой он может и обойтись; доказательством служат дикари, у которых духовного только и есть, что религия да кой-какие песни. Итак, моя милая Елена Николаевна, примемтесь за естествознание. Я накупил по этому отделу книг, и мы с вами будем вместе читать их: я заранее прихожу в восторг, представляя себе эти прекрасные вечера, которые мы будем с вами посвящать на общую нашу работу в вашей гостиной. Кстати, по поводу вашей гостиной, о вашей матушке: почему вас могло так возмутить письмо ее ко мне, которым она просит прислать ей из Петербурга недорогой меховой салоп? Во-первых, в Петербурге действительно меха лучше и дешевле; во-вторых, мне кажется, мы настолько добрые и хорошие знакомые, что церемониться нам в подобных вещах не следует, и смею вас заверить, что даже самые огромные денежные одолжения, по существу своему, есть в то же время самые дешевые и ничтожные и, конечно, никогда не могут окупить тех высоконравственных наслаждений, которые иногда люди дают друг другу и которые я в такой полноте встретил для себя в вашем семействе.

За ваши посещения жены моей приношу мою искреннюю благодарность. О, как вы глубоко подметили, что она от своего доброго, детского взгляда на жизнь неизлечима. Десять лет я будил и бужу в ней взгляд взрослой женщины и не могу добудиться, и это одна из трагических сторон моей жизни.

Ваш друг,

Григоров.
186 – года, – января».

II

Князь Григоров, по происхождению своему, принадлежал к весьма старинному и чисто русскому княжескому роду. Родство у него было именитое: не говоря уже о Михайле Борисовиче Бахтулове, два дяди у него были генерал-адъютантами, три тетки статс-дамами, две – три кузины дамами-патронессами. Всеми этими связями князь нисколько не воспользовался для составления себе хоть какой-нибудь служебной карьеры. Он не был даже камер-юнкер и служил всего года два мировым посредником, и то в самом начале их существования. Жил он в настоящее время постоянно в Москве, в огромном барском доме с двумя каменными крыльями для прислуги. Стеклопанная дверь вела с подъезда в сени, из которых в бельэтаж шла мраморная лестница с мраморными статуями по бокам. Зала, гостиная и кабинет были полны редкостями и драгоценностями; все это досталось князю от деда и от отца, но сам он весьма мало обращал внимания на все эти сокровища искусств: не древний и не художественный мир волновал его душу и сердце, а, напротив того, мир современный и социальный!

В один из холоднейших и ненастнейших московских дней к дому князя подходила молодая, стройная девушка, брюнетка, с очень красивыми, выразительными, умными чертами лица. Она очень аккуратно и несколько на мужской лад была одета и, как видно, привыкла ходить пешком. Несмотря на слепящую вьюгу и холод, она шла смело и твердо, и только подойдя к подъезду княжеского дома, как бы несколько смутилась.

– Князь дома? – спросила она, впрочем, довольно спокойным голосом отворившего ей дверь швейцара.

– Никак нет-с! – почти крикнул ей тот в ответ.

В больших черных глазах девушки явно отразился испуг.

– Как же нет? Второй уж час! – произнесла она, вынимая из-за пояса серебряные часы и показывая их швейцару.

– И княгиня тоже очень беспокоится, – отвечал тот.

– Поезд обыкновенно приходит в десять часов! – продолжала девушка почти гневным тоном.

– Они так всегда прежде и приезжали-с... Карета еще в восемь часов за ними уехала, – пояснил ей швейцар.

Девушка постояла еще некоторое время в недоумении.

– Ты княгине ничего не говори, что я заходила, я не пройду к ней; мне пора по делу! – произнесла девушка опять каким-то повелительным тоном и сама пошла.

Швейцар ничего ей не ответил и только громко захлопнул за ней дверь.

В это время наверху лестницы показалась хорошенькая собой горничная.

– Княгиня спрашивает, кто звонил? – крикнула она оттуда.

– Барышня эта!.. – отвечал швейцар.

– Какая барышня?

– Да как она, проклятая, и забыл... Елена Николаевна, что ли?!

– А, Жиглинская! – произнесла горничная и снова побежала в комнаты.

Девушка между тем быстро прошла несколько переулков, наконец, щеки у ней разгорелись, дыхание стало перехватываться: видимо, что она страшно устала. Приостановившись на минуту, она вынула из кармана загрязненный кошелек и, ощупав в нем несколько денег, подкликнула к себе извозчика. «На Петербургскую железную дорогу!» – сказала она ему и затем, не дождавшись даже ответа, села к нему в сани и велела как можно проворнее себя везти: нетерпение отражалось во всех чертах лица ее. В вокзале железной дороги она обратилась к первому попавшемуся ей навстречу кондуктору, только что, видно, приехавшему с каким-нибудь поездом и сильно перезябшему.

– Петербургский почтовый поезд не пришел еще? – спросила она.

– Нет еще! – отвечал ей тот сердито.

– Что же, несчастье, что ли, с ним случилось? – спрашивала девушка.

– А бог его знает... Может, и несчастье случилось, – говорил кондуктор, уходя от нее в одну из дверей.

Девушка осталась на месте бледная и заметно недоумевающая, что ей предпринять.

В это время по вокзалу проходил небольшого роста инженер, но в внушительнейшей ильковой шинели.

– Говорят, с петербургским поездом несчастье случилось? – обратилась к нему стремительно девушка.

Инженер открыл на нее удивленные глаза.

– Какое-с? – спросил он ее не совсем спокойным голосом.

– Он не приходит; теперь уже скоро два часа... он должен быть в десять часов.

– Да, но, вероятно, он от метели запоздал, – возразил инженер. – Бабаев! – крикнул он стоявшему у дверей сторожу. – Не видать поезда?

– Идет, ваше высокоблагородие! – отвечал сторож.

– Ну вот видите, идет!.. Пришел благополучно, – отнесся инженер любезно к девушке.

Та при этом вся вспыхнула радостью.

– Позвольте мне туда пройти на платформу: я брата жду! – проговорила она как-то стремительно.

– Сделайте одолжение. Бабаев! Пропусти госпожу эту! – приказал инженер тому же сторожу, который приотворил дверь, и девушка сейчас же юркнула в нее; но, выйдя на платформу и как бы сообразив что-то такое, она быстро отошла от дверей и стала за стоящую в стороне толпу баб и мужиков. Поезд наконец подошел, девушка еще старательнее спряталась за толпу. Стали выходить пассажиры, в числе которых из 1-го класса вышел и князь Григоров, нагруженный пледом и саквояжами, с измятым, невыспавшимся лицом. Яркий румянец покрыл при этом щеки девушки. Князь лениво подал встретившему его лакею билет от багажа, а сам прошел на подъезд. Там жандарм выкликнул ему его экипаж, в который он сел и тотчас же уехал. Девушка тоже вскоре вышла из-за своей засады и, очутившись на улице, она думала было сначала нанять извозчика, но – увы! – в грязном кошельке ее не оказалось ни копейки. Девушка при этом усмехнулась, покачала головой и пошла пешком. После трехверстной, по крайней мере, ходьбы она вошла наконец в один деревянный дом, над окнами которого прибитая была вывеска с надписью: «Бесплатная школа».

Князь, ехав в своей покойной карете, заметно был под влиянием не совсем веселых мыслей: более месяца он не видался с женою, но предстоящее свидание вовсе, кажется, не занимало и не интересовало его; а между тем князь женился по страсти. Еще бывши юным, нескладным, застенчивым школьником, он, в нескладном казенном мундире и в безобразных белых перчатках, которых никогда не мог прибрать по руке, ездил на Васильевский остров к некоему из немцев горному генералу, у которого была жена и с полдюжины прехорошеньких собой дочерей. Семейство это было небогатое, но чрезвычайно музыкальное. Учить музыке детей родители старались из всех сил, и старшая дочь их, m-lle Элиза, девушка лет восемнадцати, необыкновенно миловидная из себя, с голубыми, как небо, глазами и с льноподобными, густыми волосами, играла очень хорошо на фортепьянах. С семейством этим познакомил князя барон, который хоть и был с самых юных лет весь соткан из практических стремлений, но музыку любил и даже сам недурно играл на фортепьянах. Эта музыкальность барона собственно и послужила первоначальным основанием его школьной дружбе с князем, который в то время приходил в бешеный восторг от итальянской оперы и от музыки вообще. По будням князь обыкновенно наслаждался игрою друга, а по праздникам – игрою m-lle Элизы, которая, впрочем, в то время талант свой по преимуществу рассыпала перед бывшими у них в доме молодыми горными

офицерами, ухаживавшими за ней всем гуртом. Наши школьники тоже вспыхнули к ней страстью, с тою только разницею, что барон всякий раз, как оставался с Элизой вдвоем, делал ей глазки и намекая ей даже словами о своих чувствах; но князь никогда почти ни о чем с ней не говорил и только слушал ее игру на фортепьянах с понуренной головой и вздыхал при этом; зато князь очень много говорил о своей страсти к Элизе барону, и тот выслушивал его, как бы сам в этом случае несколько не повинный. Все это, впрочем, разрешилось тем, что князь, кончив курс и будучи полным распорядителем самого себя и своего громадного состояния, – так как отец и мать его уже умерли, – на другой же день по выходе из лицея отправился к добрейшей тетке своей Марье Васильевне, стал перед ней на колени, признался ей в любви своей к Элизе и умолял ее немедленно ехать и сделать от него предложение. Старушка сначала в ужас пришла от этой новости; потом тщила отговорить безумца от его намерения, убеждая его тем, что он очень еще молод и не знает ни себя, ни своего сердца, и, наконец, по крайней мере, себя хотела выгородить в этом случае и восклицала, что она, как Пилат¹⁴, умывает тут руки!.. Но все это, разумеется, кончилось тем, что Пилат этот поехал и сделал от племянника предложение. Горный генерал, супруга его и невеста пришли в крайнее удивление; но партия была слишком выгодна, и согласие немедленно последовало. Князь был на седьмом небе; невеста тоже блистала счастьем и радостью. Вслед за тем князь с своей молодой женой уехал в деревню и хлопотал единственно о том, чтобы взять с собой превосходнейшую рояль. Музыка и деревня поглотили почти совершенно их первые два года супружеской жизни; потом князь сделался мировым посредником, хлопотал искреннейшим образом о народе; в конце концов, однако, музыка, народ и деревня принаскучили ему, и он уехал с женой за границу, где прямо направился в Лондон, сошелся, говорят, там очень близко с русскими эмигрантами; но потом вдруг почему-то уехал из Лондона, вернулся в Россию и поселился в Москве. Здесь он на первых порах заметно старался сближаться с учеными и литераторами, но последнее время и того не стал делать, и некоторые из родных князя, посещавшие иногда княгиню, говорили, что князь все читает теперь.

Едучи в настоящем случае с железной дороги и взглядывая по временам сквозь каретное стекло на мелькающие перед глазами дома, князь вдруг припомнил лондонскую улицу, по которой он в такой же ненастный день ехал на станцию железной дороги, чтобы уехать совсем из Лондона. Хорошо ли, худо ли он поступил в этом случае, князь до сих пор не мог себе дать отчета в том, но только поступить таким образом заставляли его все его физические и нравственные инстинкты.

Воспоминания эти, должно быть, были слишком тяжелы и многозначительны для князя, так что он не заметил даже, как кучер подвез его к крыльцу дома и остановил лошадей.

– Ваше сиятельство, мы приехали! – крикнул он, наконец, обертываясь к карете.

– Ах, да, вижу – сказал, как бы разбуженный от сна, князь и затем стал неловко отворять себе дверцы экипажа.

Швейцар хоть и видел, что подъехала барская карета, но, по случаю холода, не счел за нужное выйти к ней: все люди князя были страшно избалованы и распущены!

В зале князя встретила улыбающаяся своей доброй улыбкой и очень, по-видимому, обрадованная приездом мужа княгиня. Впрочем, она только подошла к нему и как-то механически поцеловала его в щеку.

Князь несколько лет уже выражал заметное неудовольствие, когда жена хоть сколько-нибудь ярко выражала свою нежность к нему. Сначала ее очень огорчало это, и она даже плакала потихоньку о том, но потом привыкла к тому. На этот раз князь тоже совершенно механически отвечал на поцелуй жены и опешил пройти в свой кабинет, где быстро и очень внима-

¹⁴ Пилат, Понтий – римский наместник (прокуратор) иудейской провинции в 26-36-х годах I века, упоминается в евангельских сказаниях.

тельно осмотрел весь свой письменный стол. Княгиня, хоть и не совсем поспешными шагами, но вошла за ним в кабинет.

– Писем, *ma chere*¹⁵, ни от кого не было? – спросил он ее довольно суровым голосом; слова: «*ma chere*», видимо, прибавлены были, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тон.

– Нет! – отвечала кротко княгиня.

Князь сел на стул перед столом своим. Лицо его явно имело недовольное выражение.

Княгиня поместилась напротив него.

– Что Марья Васильевна? – спросила она.

– Ничего себе; так же по-прежнему добра и так же по-прежнему несносна... Вот прислала тебе в подарок, – прибавил князь, вынимая из кармана и перебрасывая к жене крестик Марьи Васильевны, – велела тебе надеть; говорит, что после этого непременно дети будут.

– Вот как? – сказала княгиня, немного краснея в лице. – Что ж, я очень рада буду тому.

Князь на это ничего не сказал.

О Михайле Борисовиче княгиня уж и не спрашивала: она очень хорошо знала, что муж на этот вопрос непременно разразится бранью.

– Кого еще видел в Петербурге? – сделала она ему более общий вопрос.

– Мингера, разумеется, – отвечал князь с некоторою гримасою. – Приятель этот своим последним подобострастным разговором с Михайлом Борисовичем просто показался князю противен. – К нам летом собирается приехать в Москву погостить, – присовокупил он: – но только, по своей немецкой щепетильности, все конфузится и спрашивает, что не стеснит ли нас этим? Я говорю, что меня нет, а жену – не знаю.

Легкая и едва заметная краска пробежала при этом на лице княгини.

– Чем же он меня может стеснить? Нисколько... – проговорила она тихо.

– Ну, так так и надобно написать ему! – проговорил князь и позевнул во весь рот.

Княгиня при этом потупилась: легкая краска продолжала играть на ее лице.

– Кто был у тебя во все это время? – спросил князь после некоторого молчания и как бы пооживившись несколько.

– Да кто был? – отвечала княгиня, припоминая. – Приезжала всего только одна Анна Юрьевна и велела тебе сказать, что она умирает от скуки, так долго не выдав тебя.

– Взаимно и я тоже! – подхватил князь.

– Значит, полное согласие сердец!.. – заметила княгиня.

– Совершеннейшее! – воскликнул князь, смотря на потолок. – А что, – продолжал он с некоторой расстановкой и точно не решаясь вдруг спросить о том, о чем ему хотелось спросить: – Анна Юрьевна ничего тебе не говорила про свою подчиненную Елену?.. – Голос у него при этом был какой-то странный.

– Нет, говорила: хвалила ее очень! – отвечала княгиня, по-видимому, совершенно равнодушно, и только голубые глаза ее забежали из стороны в сторону, как бы затем, чтобы князь не прочел ее тайных мыслей.

– А у тебя Елена бывала? – продолжал тот расспрашивать.

– Была раза два. Она и сегодня, говорят, заходила.

– Сегодня? – переспросил князь.

– Да, но ко мне почему-то не зашла; о тебе только спросила... – Слова эти княгиня тоже заметно старалась произнести равнодушно; но все-таки они у ней вышли как-то суше обыкновенного. – Очень уж тебя ждали здесь все твои любимые дамы! – присовокупила она, улыбаясь и как бы желая тем скрыть то, что думала.

– Что ж, это не дурно для меня, – отвечал, в свою очередь, с усмешкой князь.

¹⁵ моя дорогая (франц.).

Известие, что Елена к ним сегодня заходила, явным образом порадовало его, так что он тотчас же после того сделался гораздо веселее, стал рассказывать княгине разные разности о Петербурге, острил, шутил при этом. Та, с своей стороны, заметила это и вряд ли даже не поняла причины тому, потому что легкое облако печали налетело на ее молодое лицо и не сходило с него ни во время следовавшего затем обеда, ни потом...

Часов в семь вечера князь уехал из дому.

* * *

Бывшая утром вьюга превратилась вечером в страшный мороз, так что в эту ночь там, где-то у Калужских ворот, говорят, замерзли два извозчика, а в Кремле замерз часовая. Пешеходы если и появлялись, то по большей части бежали или в лавочку, или в кабак. На Маросейке, в одном из каменных домов, в окнах, густо забранных льдом, светился огонь. Это была квартира госпожи Жиглинской. Госпожа Жиглинская более чем за год не платила за квартиру, и заведовавший домом сенатский чиновник докладывал было купцу-домовладельцу, что не согнать ли ее?

– Прах ее дери, заплатит когда-нибудь! Возьми с нее вексель покрепче, – слышь? – сказал хозяин.

– Слушаю-с! – протянул сенатский чиновник.

– Другие, пожалуй, и даром не станут стоять в этих сараях! – рассуждал хозяин. – Не переделывать же их, дьяволов! Холодище, чай, такой, что собакам не сжить, не то что людям.

– Очень холодно-с! – подтвердил сенатский чиновник и в тот же день взял вексель с госпожи Жиглинской, которая, подписываясь, обругала прежде всего довольно грубыми словами дом, потом хозяина, а наконец, и самого чиновника.

Госпожа Жиглинская происходила из довольно богатой фамилии и в молодости, вероятно, была очень хороша собой; несмотря на свои шестьдесят лет, она до сих пор сохранила еще довольно ловкие манеры, умение одеваться к лицу и вообще являла из себя женщину весьма внушительной и презентабельной наружности. Жизнь ее прошла полна авантур: сначала влюбилась она в поляка-офицера, вышла за него замуж; тот прежде всего промотал ее приданое, потом вышел в отставку и завел у себя игорный дом. Госпожа Жиглинская обязана была быть любезною с бывавшими и игравшими у них молодыми людьми. Потом муж ее поступил в штат московской городской полиции частным приставом в одну из лучших частей города. Жить они стали на этом месте прекрасно; но и тут он что-то такое очень сильно проврался или сплутовал, но только исключен был из службы и вскоре умер, оставив жену с восьмилетней девочкой. Госпожа Жиглинская, впрочем, вскоре нашла себе покровителя и опять стала жить в прекрасной квартире, ездить в колясках; маленькую дочь свою она одевала как ангела; наконец, благодетель оставил ее и женился на другой. Госпожа Жиглинская хлопотала было сыскать себе нового покровителя и, говорят, имела их несколько, следовавших один за другим; но увы! – все это были люди недостаточные, и таким образом, проживая небольшое состояние свое, скопленное ею от мужа и от первого покровителя своего, она принуждена была дочь свою отдать в одно из благотворительных учебных заведений и брала ее к себе только по праздникам. Чем дольше девочка училась там, чем дальше и дальше шло ее воспитание, тем как-то суше и неприветливее становилась она к матери и почти с гневом, который едва доставало у нее сил скрывать, относилась к образу ее жизни и вообще ко всем ее понятиям. По мнению матери, например, ничего не стоило поголодать дня два, посидеть в холоду, лишь бы только жить в нарядной, просторной квартире и иметь потом возможность выехать в театр или на гулянье. Дочь же говорила, что человеку нужна только небольшая комната, с потребным количеством чистого воздуха (и тут она даже с точностью определяла это количество), нужен кусок здоровой пищи (и тут она опять-таки назначала с точностью, сколько именно пищи) и, наконец, умная книга.

По выходе из училища, дочь объявила матери, что она ничем не будет ее стеснять и уйдет в гувернантки, и действительно ушла; но через месяц же возвратилась к ней снова, говоря, что частных мест она больше брать не будет, потому что в этом положении надобно сделаться или рабою, служанкою какой-нибудь госпожи, или предметом страсти какого-нибудь господина, а что она приищет себе лучше казенное или общественное место и будет на нем работать. Во всех этих планах дочери питаться своими трудами¹⁶ мать очень мало понимала и гораздо больше бы желала, чтобы она вышла замуж за человека с обеспеченным состоянием, или, если этого не случится, она, пожалуй, не прочь бы была согласиться и на другое, зная по многим примерам, что в этом положении живут иногда гораздо лучше, чем замужем... Жизнь, исполненная разного рода авантюры, немножко чересчур низко низвела нравственный уровень госпожи Жиглинской!

В настоящий вечер госпожа Жиглинская сидела в своей комнате на кресле, занятая вязаньем какой-то шерстяной косынки и сохраняя при этом гордейшую позу. Она закутана была на этот раз во все свои шали и бурнусы, так как во всей ее квартире, не топлённой с утра, был страшный холод. Рядом с комнатой матери, в довольно большой гостиной, перед лампой, на диване сидела дочь г-жи Жиглинской, которая была) не кто иная, как знакомая нам Елена. Мать и дочь были несколько похожи между собой, и только госпожа Жиглинская была гораздо громаднее и мужественнее дочери. Кроме того, в лице Елены было больше ума, больше солидности, видно было больше образования и совершенно не было той наглой и почти бесстыдной дерзости, которая как бы освещала всю физиономию ее матери. Глубокие очертания, которыми запечатлены были лица обеих дам, и очень заметные усы на губах старухи Жиглинской, а равно и заметный пушок тоже на губах дочери, свидетельствовали, что как та, так и другая наделены были одинаково пылкими темпераментами и имели характеры твердые, непреклонные, способные изломаться о препятствие, но не изогнуться перед ним. Елена была на этот раз вся в слезах и посинелая от холоду. Происходивший у нее разговор с матерью был далеко не приятного свойства.

– Это странно, – говорила Елена голосом, полным горести, – как вы не могли послать Марфушу попросить у кого-нибудь десятка два полень!

– Я посылала, но не дают... Что же мне делать?... – отвечала Жиглинская каким-то металлически-холодным тоном.

– Отчего же не дают? Мы не даром бы у них взяли; я говорила, что принесу денег – и принесла наконец.

– Не дают!... – повторила госпожа Жиглинская.

Ей как будто даже весело было давать такие ответы дочери, и она словно издевалась в этом случае над ней.

– Вы сделаете то, – продолжала Елена, и черные глаза ее сплошь покрылись слезами, – вы сделаете то, что я в таком холоду не могу принять князя, а он сегодня непременно заедет.

– Отчего же не принять?... Прими! Пускай посидит тут и посмотрит, – отвечала госпожа Жиглинская явно уже с насмешкой.

Сближение Елены с князем сначала очень ее радовало. Что там между ними происходило и чем все это могло кончиться, – она особенно об этом не заботилась; но видя, что князь без памяти влюблен в дочь, она главным образом совершенно успокоилась насчет дальнейших средств своих к существованию. На деле же, сверх всякого ожидания, стало оказываться не совсем так: от князя им не было никакой помощи. В одну из минут весьма крайней нужды госпожа Жиглинская решилась было намекнуть об этом дочери: «Ты бы попросила денег у друга

¹⁶ ...питаться своими трудами... – одно из главных требований передовой молодежи шестидесятых годов. Ограниченность применения женского труда в ту эпоху в России вынуждала девушек стремиться к получению преимущественно педагогического и медицинского образования.

твоего, у князя; у него их много», – сказала она ей больше шутя; но Елена почти озлобленно взглянула на мать. «Как вы глупо говорите!» – сказала она ей в ответ и ушла после того из ее комнаты. Госпожа Жиглинская долго после этого ни о чем подобном не говорила с дочерью и допекала ее только тем, что дня по два у них не было ни обеда, ни чаю; хотя госпожа Жиглинская и могла бы все это иметь, если бы продала какие-нибудь свои брошки и сережки, но она их не продавала. В вечер этот она, вероятно, выведенная из всякого терпения холодом, опять, по-видимому, хотела возобновить разговор на эту тему.

– И побогаче нас люди иногда одолжаются и принимают помощь от своих знакомых, – проговорила она, как бы размышляя больше сама с собой.

– Никогда! Ни за что! – воскликнула Елена, догадавшаяся, что хочет сказать мать. – Я могла пойти к князю, – продолжала она с каким-то сдержанным достоинством: – и просить у него места, возможности трудиться; но больше этого я ни от кого, никогда и ничего не приму.

Елена, действительно, по совету одного молодого человека, встречавшего князя Григорова за границей и говорившего, что князь непременно отыщет ей место, обратилась к нему. Князь, после весьма короткого разговора с Еленой, в котором она выразила ему желание трудиться, бросился к одной из кузин своих, Анне Юрьевне, и так пристал к ней, что та на другой же почти день дала Елене место учительницы в школе, которую Анна Юрьевна на свой счет устроила и была над ней попечительницей. Елена после того пришла, разумеется, поблагодарить князя. Он на этот раз представил ее княгине, которая на первых порах приняла Елену очень любезно и просила бывать у них в доме, а князь, в свою очередь, выпросил у Елены позволение посетить ее матушку, и таким образом, они стали видаться почти ежедневно.

– Тебя никто и не заставляет ни от кого ничего принимать, – говорила между тем старуха Жиглинская.

– Нет, вы заставляете, вы пишете там князю о каких-то ваших салопах, – возразила ей Елена.

Госпожа Жиглинская вспыхнула при этом немного; дочь в первый еще раз выразила ей неудовольствие по этому поводу.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! – захохотала она каким-то неприятным и злобным смехом. – Я могу, кажется, и без твоего позволения писать моим знакомым то, что я хочу.

– Да, вашим, но не моим, а князь – мой знакомый, вы это очень хорошо знаете, и я просила бы вас не унижать меня в глазах его, – проговорила резко Елена.

Госпожа Жиглинская окончательно рассердилась.

– Ты мерзкая и негодная девчонка! – воскликнула она (в выражениях своих с дочерью госпожа Жиглинская обыкновенно не стеснялась и называла ее иногда еще худшими именами). – У тебя на глазах мать может умирать с голоду, с холоду, а ты в это время будешь преспокойно философствовать.

– Философствовать лучше, чем делать что-нибудь другое!.. – начала Елена и вряд ли не хотела сказать какую-нибудь еще более резкую вещь, но в это время раздался звонок. Елена побледнела при этом. – Марфуша, Марфуша! – крикнула она почти задыхающимся голосом. – Он войдет и в самом деле даст нам на дрова.

Вбежала толстая, краснощекая девка.

– Не принимай князя, скажи, что я больна, лежу в постели, заснула... – говорила торопливо Елена и вместе с тем торопливо гасила лампу.

Марфуша выбежала отворить дверь. Это действительно приехал князь.

– Барышня больны-с, легли в постель-с, почивают, – донесла ему та.

Князя точно обухом кто ударил от этого известия по голове.

– Но, может быть, она примет меня, доложи! – как-то пробормотал он.

– Нет-с, они уж заснули! – сказала Марфуша и захлопнула у него перед носом дверь.

Князь после этого повернулся и медленно стал спускаться с лестницы... Вскоре после того Елена, все еще остававшаяся в темной гостиной, чутким ухом услышала стук его отъезжавшей кареты.

III

На другой день в кабинете князя сидело целое общество: он сам, княгиня и доктор Елпидифор Мартыныч Иллионский, в поношенном вицмундирном фраке, с тусклою, порыжелою и измятою шляпой в руках и с низко-низко спущенным владимирским крестом на шее. Елпидифор Мартыныч принадлежал еще к той допотопной школе врачей, которые кресты, чины и ленты предпочитают даже деньгам и практику в доме какого-нибудь высшего служебного лица или даже отставного именитого вельможи считают для себя превыше всего. У Григоровых Елпидифор Мартыныч лечил еще с деда их; нынешний же князь хоть и считал почтенного доктора почти за идиота, но терпел его единственно потому, что вовсе еще пока не заботился о том, у кого лечиться. Княгиня же ценила в Елпидифоре Мартыныче его привязанность к их семейству. Происходя из духовного звания и имея смолоду сильный бас, Елпидифор Мартыныч как-то необыкновенно громко и сильно откашливался и даже почему-то ужасно любил это делать.

– К-х-ха! – произнес он на всю комнату, беря князя за руку, чтобы пощупать у него пульс. – К-х-ха! – повторил он еще раз и до такой степени громко, что входившая было в кабинет собака князя, услышав это, повернулась и ушла опять в задние комнаты, чтобы только не слышать подобных страшных вещей. – К-х-ха! – откашлинулся доктор в третий раз. – Ничего, так себе, маленькая лихорадочка, – говорил он басом и нахмуривая свои глупые, густые брови.

– Конечно, ничего, стоило посылать! – произнес князь досадливым голосом, между тем лицо у него было какое-то искаженное и измученное. Руку свою он почти насильно после того вырвал из руки Елпидифора Мартыныча.

– Все лучше посоветоваться! – отвечала кротко княгиня: вечером она видела, что муж откуда-то приехал очень мрачный, затворился в своем кабинете и притворился, что читает; но потом, ночью, она очень хорошо слышала, что князь не заснул ни на минуту и даже стонал несколько раз, как бы от чего-то душившего его. Испугавшись всего этого, она поутру, не сказав даже о том князю, послала за Елпидифором Мартынычем, который и прибыл сейчас же и вместе с княгиней вошел в кабинет к князю. Тот, увидев его и поняв в чем дело, в первую минуту взбесился было; однако удержался и принял только очень сердитый вид.

– Ничего-с! – повторил еще раз Елпидифор Мартыныч, усаживаясь в кресло и приготавливаясь, как видно, побеседовать. – К-х-ха! – откашлинулся он затем с каким-то особенным наслаждением и отнесся уже с разговорами к княгине. – Был я, сударыня, ваше сиятельство, у графа Виктора Сергеевича на обеде; кушали у него: владыко с викарием, генерал-губернатор со свитой, разные господа сенаторы...

– Что же это, он награду свою праздновал? – спросила княгиня.

– Непременно так-с, непременно! – подтвердил Елпидифор Мартыныч. – Очень старик доволен; с коронации¹⁷ еще он желая сей первенствующей ленты Российской империи и вдруг получил ее. Приятно каждому, – согласиться!

– Да! – поспешила согласиться княгиня: она больше всего в эти минуты желала, чтобы как-нибудь прекратить подобный разговор, от которого, она очень хорошо видела и понимала, до какой степени князь внутри себя рвет и мечет; но Елпидифор Мартыныч не унимался.

– Я, когда награжден был сим крестом, – продолжал он, указывая с гордостью на своего Владимира: – приезжаю тогда благодарить генерал-губернатора, всплакал от полноты чувств, – ей-богу!

Князь уже более не вытерпел.

– Не о чем, видно, вам плакать-то о более порядочном! – произнес он.

¹⁷ ...с коронации. – Речь идет о коронации императора Александра II в 1856 году.

– О более порядочном – а?.. Вольнодумец какой он!.. Вольнодумец он у вас, княгиня, а?.. – обратился Елпидифор Мартыныч к княгине.

– Ужасный! – отвечала та.

– А вы за ушко его за это, за ушко!.. И в бога ведь, чай, не верует?.. – шутил Елпидифор Мартыныч.

– Не знаю! – сказала княгиня с улыбкою.

– Вам, как медику, совестно, я думаю, об этом и спрашивать и беспокоиться, – проговорил насмешливо князь.

– А вот что медики-с, скажу я вам на это!.. – возразил Елпидифор Мартыныч. – У меня тоже вот в молодости-то бродили в голове разные фанаберии, а тут как в первую холеру в 30-м году сунули меня в госпиталь, смотришь, сегодня умерло двести человек, завтра триста, так уверуешь тут, будешь верить!

– Смерть, и особенно близких нам людей, лучше всего нас может научить этому, – подтвердила и княгиня.

– Да как же, помилуйте! – воскликнул Елпидифор Мартыныч. – Из земли взят, говорят, землей и будешь. А душа-то куда девается? Ее-то надобно девать куда-нибудь.

Князь на это только злобно усмехнулся.

– Нынче, сударыня, все отвергают, все! – продолжал Елпидифор Мартыныч, по-прежнему обращаясь к княгине. – Нынче вон, говорят, между молодыми людьми какие-то нигилисты¹⁸ есть, и у нас в медицине все нигилисты, все отвергли; один только, изволите видеть, лапис¹⁹ и опиум признали! Все в природе сотворено не на потребу человека, а ко вреду ему, и один только лапис и опиум исцеляют и врачуют его от всех болезней!

– Не от всех болезней, – возразил на это сердито князь, – а *genius morborum*²⁰ нашего времени таков, что эти средства, по преимуществу, помогают.

– Какой это *genius morborum* такой, желал бы я знать?.. Какой это он?.. – вспыхнул уже Елпидифор Мартыныч. – Господи помилуй! – продолжал он, разводя руками. – Всегда были лихорадки, чахотки, параличи, – всегда они и будут!.. – Новое нам надобно было что-нибудь выдумать – вот что-с! Приедет нынче доктор к больному и расписывает ему: «У вас то-то и то-то; организм у вас такой-то, темперамент такой-то!» Батюшки мои! Целую лекцию прочтет ему из медицины, а тот и думает: «Ай, какой мудрец-всезнайка!» А я, извините меня, за грех всегда считал это делать. Я никогда не скажу больному, что у него; должен это знать я, а не он: он в этом случае человек темный, его только можно напугать тем. Родных, конечно, предупредомлю, когда кто труден, чтобы успели распорядиться о духовной и причастить заблаговременно!.. К-х-ха!.. – откашлянулся старик в заключение, но вместе с тем раздался и звонок снизу от швейцара.

Князь и княгиня переглянулись между собой.

– Кто может быть так рано? – проговорила последняя.

Князь тоже недоумевал.

– Дама какая-то идет! – сказал Елпидифор Мартыныч, обертываясь и оглядываясь в залу.

– Это, вероятно, Елена! – произнесла княгиня более уже тихим голосом.

У князя все мускулы в лице передернуло.

В кабинет вошла действительно Елена. Внутри себя она, должно быть, была страшно взволнована; но, по наружности, старалась сохранить смелый и спокойный вид.

– *Bonjour, princesse!*²¹ – отнеслась она как-то особенно смело к княгине.

¹⁸ Нигилисты (от латин. nihil – ничто) – представители разночинной интеллигенции шестидесятых годов XIX века, отрицавшие принципы и традиции дворянской культуры.

¹⁹ Лапис (ляпис) – прижигающее средство в медицине (от латин. lapis – камень).

²⁰ дух недугов (лат.).

²¹ Добрый день, княгиня! (франц.).

– Здравствуйте, – отвечала та ей негромко.

– Я пришла, князь, проведать, приехали ли вы из Петербурга, – обратилась она каким-то неестественным голосом к князю.

Тот при этом сильно сконфузился.

– Да, я вчера приехал, – отвечал он, понимая так, что Елена не хочет говорить при княгине о том, что он заезжал к ней вчера.

Они часто о многих вещах, вовсе не условливаясь предварительно, не говорили при княгине.

Доктору Елена вежливо поклонилась. Елпидифор Мартыныч, в свою очередь, перед ней встал и, как только умел, модно раскланялся и вслед за тем уже не спускал с нее своих старческих очей.

Елена благодаря тому, что с детства ей дано было чисто светское образование, а еще более того благодаря своей прирожденной польской ловкости была очень грациозное и изящное создание, а одушевлявшая ее в это время решительность еще более делала ее интересной; она села на стул невдалеке от князя.

– Матап просит вас сегодня заехать к ней, она очень желает вас видеть, – проговорила Елена.

– А сами вы будете дома? – спросил ее протяжно князь.

– Непременно! – подхватила Елена стремительно.

Она и прежде, когда приглашала князя, то всегда на первых же порах упоминала имя «матап», но саму матап они покуда еще княгине не показывали, и князь только говорил ей, что это очень добрая, но больная и никуда не выезжающая старушка.

Елпидифор Мартыныч, все еще продолжавший смотреть на Елену, не утерпел наконец и отнесся к ней.

– К-х-ха! – начал он прежде всего с кашля. – Позвольте мне спросить: не имел ли я удовольствия встречать вас в доме графини Анны Юрьевны?

– Очень может быть, – отвечала Елена, – но только не в доме у ней, а в передней: я приходила к ней просить место учительницы.

Елпидифор Мартыныч склонил при этом свою голову.

– И получили вы сие место?

– Получила, вот по милости князя! – сказала Елена.

Елпидифор Мартыныч еще ниже склонил свою голову.

– Значит, мы в некотором роде товарищи с вами по службе. Я тоже служу у Анны Юрьевны по попечительству и смею рекомендовать себя: действительный статский советник Елпидифор Мартыныч Иллионский!

Елена молчала на это.

– А ваша фамилия? – продолжал старикашка.

– Жиглинская! – сказала Елена.

Елпидифор Мартыныч растопырил руки.

– Елизаветы Петровны дочь? – воскликнул он.

– Да! – отвечала Елена.

– Я вот еще какую вас видел, вот какохонькую! – говорил Елпидифор Мартыныч, показывая рукою от полу на аршин и все ниже и ниже затем опуская руку. – Что же ваша матушка поделявает и как поживает?

– Ничего, хорошо! – отвечала ему сухо и почти с неудовольствием Елена, потому что Елпидифор Мартыныч, говоря последние слова, явно уже обратил на нее какие-то масляные глаза: он был ужасный волокита и особенно за небогатенькими девушками.

– Ну, однако, мне пора! – сказала Елена, вставая.

Ее, по преимуществу, конфузило то, что княгиня во все это время не проговорила с ней ни слова.

– А вы в какие страны, осмелюсь вас спросить? – обратился опять к ней Елпидифор Мартыныч, тоже поднимаясь с своего места.

– На Покровку! – отвечала ему Елена и отвернулась от него.

– Так не угодно ли, я доведу вас на своих конях? Я в эти именно страны и еду, – говорил Елпидифор Мартыныч, явно уже любезничая с ней.

Елена несколько мгновений заметно недоумевала и в это время успела бросить короткий, но вопрошающий взгляд на князя.

– Он вас довезет отлично! – проговорил тот, как бы в ответ на этот взгляд.

– Ну, хорошо! – сказала Елена. – Adieu, princesse, – прибавила она опять как-то официально княгине.

– Прощайте! – отвечала та, стараясь, по обыкновению, придать как можно более простоты и естественности своему голосу.

– Ну так, значит, до свидания, до вечера, – говорила Елена, подавая бойко руку князю.

– До вечера! – повторил тот, видимо, делая над собой страшное усилие, чтобы не смотреть на Елену тоже равнодушным оком. – А я книг много для вас закупил: прикажете их уже привезти к вам? – присовокупил он.

– Пожалуйста! – отвечала Елена и пошла.

Елпидифор Мартыныч поспешил последовать за ней.

Княгиня вышла их обоих немного проводить.

– Барышня-то эта отличная, бесподобная! – шепнул ей Елпидифор Мартыныч, указывая глазами на уходящую Елену и принимая от княгини деньги за визит.

– Да! – протяжно ответила она и снова возвратилась в кабинет к мужу.

Князь сидел на креслах, закинув голову назад. Лицо его имело какое-то мечтательное выражение; лицо же княгини, напротив, и на этот раз опять осенилось облаком тайного недовольства. Муж и жена, оставшись с глазу на глаз, чувствовали необходимость начать между собой какой-нибудь разговор, но о чем именно – не знали. Князь, впрочем, заговорил первый.

– Этот Елпидифор такой дурак невыносимый... – произнес он недовольным голосом.

– Да, не умен... – согласилась и княгиня.

– Его непременно надобно прогнать и не пускать к себе, а то он одними своими рассуждениями может уморить человека.

– Пожалуй, как хочешь! – отвечала княгиня.

Она, надо думать, рассердилась в этот раз на Елпидифора Мартыныча главным образом за то, что он очень уж лестно отзывался об Елене.

* * *

После обеда князь с заметным нетерпением дожидался вечера и в шесть часов велел себе закладывать карету. Княгиня в это время сидела на своей половине. Уезжая, князь не зашел даже к ней проститься. Княгиня тоже не вышла, по обыкновению, проводить его. Князь повез с собою целую кипу книг и карете, разумеется, велел ехать на Маросейку. Здесь квартира госпожи Жиглинской представляла совсем другой вид, чем вчера: она была вся натоплена и подметена. Сама госпожа Жиглинская, разодетая в черное шелковое платье и в модный, с пунцовыми лентами чепец, сидела на обычном своем месте с вязаньем в руках и надменно надсматривала за Марфушей, приготовлявшей на столе чайный прибор. Елена, тоже в черном шелковом платье, ловко обхватывающем ее стройный стан, и очень красиво причесанная, сидела по-прежнему на диване. Она не то что была печальна, но как-то взволнована и вся как

бы превратилась в слух и внимание к скрипу и стуку проезжавших мимо экипажей. Наконец шум послышался в самых сенях их квартиры.

Елена привстала.

– Марфуша, поди, отвори! – воскликнула она.

Марфуша побежала и отворила. Вошел князь, державший в обеих руках книги.

– Вот я вам все их привез, – говорил он, входя в гостиную к Елене.

– Ах, благодарю, тысячу раз благодарю! – говорила та как бы в самом деле радостным голосом и подсобляя князю уложить книги на одном из столиков. Освободившись окончательно от своей ноши, князь наконец уселся и принялся сквозь очки глядеть на Елену, которая села напротив него.

– Нам, я думаю, лучше всего начать с теории Дарвина²², – произнес он.

– Это с его учения о происхождении видов? Я немножко знаю эту теорию, – отвечала Елена.

– Да, но ее надобно серьезно изучить, – возразил князь.

– Разумеется! – подхватила Елена.

– Книжка эта довольно толстая... – продолжал князь и, не откладывая времени, встал и взял со стола одну из книг. – Я думаю, мы можем и начать! – повторил он.

– Хорошо! – отвечала Елена.

Князь открыл книгу и хотел было приняться читать, но потом вдруг почему-то приостановился.

– Ваша маман? – спросил он какой-то скороговоркой Елену.

– Благодарю! Она у себя в комнате, – отвечала та.

– Там? – спросил князь, указывая глазами на дверь.

– Там!

– Здравствуйте Елизавета Петровна! – воскликнул князь.

– Здравствуйте! – отвечала госпожа Жиглинская, не поднимаясь с своего места: она ожидала, что князь непременно к ней войдет, но он не входил. – Благодарю за салоп! – прибавила госпожа Жиглинская.

– О, что... Очень рад, – отвечал князь, немного сконфузясь.

Елена тоже при этом вся вспыхнула.

Князь затем замолчал и больше не стал говорить с Жиглинской-старухой: он находил, что совершенно достаточно с ней побеседовал. Насколько князю нравилась Елена, настолько противна была ему мать; своей массивной фигурой и нахальным видом госпожа Жиглинская внушала ему какое-то физиологическое отвращение к себе. Елена, с инстинктом и проницательностью умной девушки, чувствовала это и старалась мать свою не сводить с князем и не беспокоить его, так сказать, ею. Сама же госпожа Жиглинская, тоже замечавшая, что князь не совсем охотно с ней встречается и разговаривает, объясняла это совершенно иначе: она полагала, что князь, приволакиваясь за дочкой, просто ее притрухивает. «Ах, какой он глупенький, глупенький!» – рассуждала она сама с собой по этому поводу.

Князь принялся, наконец, читать. Елена стала слушать его внимательно. Она все почти понимала и только в некоторых весьма немногих местах останавливала князя и просила его растолковать ей. Тот принимался, но по большей части путался, начинал говорить какие-то фразы, страшно при этом конфузился: не оставалось никакого сомнения, что он сам хорошенько не понимал того, что говорил.

– Черт знает как досадно не знать хорошенько естественных наук! – воскликнул он как бы больше сам с собой.

²² Теории Дарвина. – Речь идет о работе Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859).

– Да, немного мы знаем, очень немного!.. – произнесла протяжно Елена. – Но вы, кажется, очень устали? – прибавила она, взглянув с участием на князя, у которого действительно от двухчасового чтения и от умственного при этом напряжения пот градом выступал на лбу.

– Есть отчасти... – отвечал ей тот с улыбкою.

– Ну, так бросимте; будет на сегодня! – разрешила ему Елена.

– Будет, так будет! – согласился с удовольствием князь.

Ему самому давно, кажется, гораздо более хотелось смотреть на Елену, чем в книгу.

– Знаете что? – начала она потом, прищуривая немного свои черные глаза, и с этим выражением лица была очень хороша собою. – Я непременно хочу у вас спросить об одной вещи: что, княгиня сердится на меня, что ли, за что-нибудь?

– Княгиня? – переспросил князь несколько с притворным удивлением.

– Да. Она давеча не сказала со мной двух слов, – отвечала Елена.

– Но вы так мало были у нас, что она, я думаю, просто не успела этого сделать, – возразил князь.

Елена сомнительно покачала головой.

– Вряд ли это так, – сказала она, – потому что, кроме молчания, княгиня имела такой сердитый и недовольный вид.

– Ей, может быть, нездоровилось! – объяснил князь.

– Но доктор, однако, был у вас, а не у княгини, – возразила Елена.

– А черт его знает, у кого он был! – сказал с сердцем князь, и вообще, как видно было, весь этот разговор начинал ему становиться скучным и неприятным.

– Но дело не в том-с. Перехожу теперь к главному, – продолжала Елена, – мы обыкновенно наши письма, наши разговоры чаще всего начинаем с того, что нас радует или сердит, – словом, с того, что в нас в известный момент сильнее другого живет, – согласны вы с этим?

– Согласен, – отвечал князь.

– Ну-с, а почему же вы последнее ваше письмо, – письмо, как видно, очень искреннее, – прямо начинаете с того, что стали мне описывать, до какой степени вас возмущает и вам ненавистен чиновничий Петербург?.. Вы как будто бы тут в чем-то спешите оправдаться передо мной.

– Я?.. Перед вами?.. – спросил князь с искренним удивлением.

– Да... Значит, этот мир еще волнует и беспокоит вас.

– Господи помилуй! – воскликнул князь. – Меня можно укорить в тысяче мелочностей, но никак уж не в этом. Этот мир никогда меня ничем не волновал и не привлекал.

– Напрасно, совершенно напрасно так думаете! – подхватила Елена. – И в этом случае вы, по-моему, мало себя знаете.

Князь уставил на Елену удивленный и вопросительный взгляд.

– Поверьте вы мне-с, – продолжала она милым, но в то же время несколько наставническим тоном, – я знаю по собственному опыту, что единственное счастье человека на земле – это труд и трудиться; а вы, князь, извините меня, ничего не делаете...

При этом замечании князь вспыхнул.

– Как тут быть! – произнес он, нахмуривая брови. – Найти себе занятие и специальность какую-нибудь вовсе дело не легкое... Это выпадает только на долю счастливых.

– Вам нечего и выдумывать себе никакой особенной специальности, а берите такую, какая она есть в обществе. Вы человек умный, способный: поезжайте в Петербург, в который вы и без того беспрестанно ездите, и поступайте там на службу.

Когда Елена говорила последние слова, то в ее глазах, в складе губ и даже в раздувшихся красивых ноздрях промелькнула какая-то злая ирония. Князь это подметил и был крайне этим поражен: он никак не ожидал услышать от Елены подобного совета.

– Нет-с, я служить не могу! – произнес он глубоко оскорбленным голосом.

– Вы не попробовали этого, уверяю вас, а испытайте, может быть, и понравится, тем более, что княгине давно хочется переехать в Петербург: она там родилась, там все ее родные: Москву она почти ненавидит.

– Княгиня может ненавидеть Москву, но я все-таки не поеду отсюда по одному тому, что в Москве вы живете, – заключил князь, произнеся последние слова несколько тише, чем прочие.

Елена при этом побледнела. Князь в первый еще раз так прямо сказал ей о чувстве своем. Она сама его горячо любила. Принадлежать человеку в браке или без брака для Елены, по ее убеждениям, было решительно все равно; только в браке, как говорили ей, бывают эти отношения несколько попрочнее. Но если уж ей суждено, чтобы человек любил ее постоянно, так и без брака будет любить; а если не сумеет она этого сделать, так и в браке разлюбит. В отношении детей – то же: хороший человек и незаконных детей воспитает, а от дрянного и законным никакой пользы не будет. Но тут ее останавливали и смущали несколько совершенно иные соображения: во-первых, Елена очень хорошо понимала, что она наносит тут зло другой женщине. «Но почему же эта женщина, – рассуждала и в этом случае Елена, – не постаралась сохранить любовь мужа?» Князь сам ей рассказывал, что он давно разлюбил жену, потому что она никогда не разделяла ни одного из его убеждений; значит, Елена тут ничем не была виновата. Во-вторых, она ужасно боялась встретить в князе какие-нибудь аристократические тенденции и замашки, которых, конечно, она нисколько не замечала в нем до сих пор; но, может быть, в этом случае он маскировался только или даже сам пока не сознавал своих природных инстинктов.

– Я-то меньше чем кто-либо должна вас останавливать! – проговорила она.

– Тогда как в вас вся жизнь моя заключается! – воскликнул он.

– Нет, князь, ваша жизнь не во мне заключается! – возразила Елена. – Мы с вами птички далеко не одного полета: я – бедная пташка, которой ни внутри, ни извне ничто не мешает летать, как ей хочется, а вы – аристократический орленок, привязанный многими-многими золотыми нитями к своей клетке.

– Да нет же этого, клянусь вам! – воскликнул опять князь.

– Есть, князь, есть! – сказала Елена, и голос у ней при этом отозвался даже какой-то строгостью.

– Что же, после этого, – продолжал князь, – стало быть, вы во мне видите какого-то грубого, грязного волокиту?

– Никогда!.. Нисколько. Я вижу в вас только человека, не имевшего еще в жизни случая хорошо познакомиться с самим собой.

– Значит, такой, какой я есть в сущности, я вам не нравлюсь? – произнес князь тихо.

– Напротив!.. К несчастью, совершенно напротив! – отвечала тихо Елена, не глядя на князя.

– Но почему же к несчастью? – спросил он ее с просветлевшим лицом.

– А потому... – начала Елена, и глубокий вздох остановил ее слова, – потому что в этом, в самом деле, мое несчастье! – заключила она.

– Но кто ж вам сказал это?

– Предчувствие мое! – проговорила Елена, и глаза ее при этом мгновенно наполнились слезами.

Лицо князя тоже, в свою очередь, как-то исказилось.

– А что, если я все рушу, все переломаю, чтобы сделать вас счастливою? – проговорил он каким-то глухим голосом.

– Ничего вы не сделаете! – возразила ему Елена тоже негромко.

Князь на это пожал только плечами. Он никогда еще не видал Елену в таком ипохондрическом и почти озлобленном настроении. В последнюю поездку князя в Петербург ей вдруг пришла в голову мысль, что он ездит туда затем, чтобы там найти себе место, и в настоящем

разговоре она, по преимуществу, хотела его выпросить об этом. Князь же, собственно, ездил в Петербург с совершенно другими целями; впечатлительный и памятливым по натуре, он все явления жизни, все мысли из книг воспринимал довольно живо и, раз что усвоив, никогда уже не забывал того вполне. Таким образом с течением времени у него накопилась в душе масса идей, чувствований; разъяснить все это и найти какую-нибудь путеводную нить для своих воззрений он жаждал неимоверно. Потолковать обо всем этом в Москве было решительно не с кем. Москва, как убедился князь по опыту, была в этом отношении – болото стоячее. Петербург казался ему гораздо более подвижным и развитым, и он стремился туда, знакомился там с разными литераторами, учеными, с высшим и низшим чиновничеством, слушал их, сам им говорил, спорил с ними, но – увы! – просвета перед жадными очами его после этих бесед нисколько не прибывало, и почти каждый раз князь уезжал из Петербурга в каком-то трагически-раздраженном состоянии, но через полгода снова ехал туда. Про все эти свои сомнения и колебания князь не говорил Елене; он не хотел перед ней являться каким-то неопределенным человеком и желал лучше, чтобы она видела в нем окончательно сформировавшегося материалиста.

– Что ж, мы будем еще читать? – спросил он ее после довольно продолжительного молчания.

– Не знаю, как хотите, – отвечала Елена, тоже более занятая своими мыслями, чем теми, которые выслушала из книги.

– Но, может быть, поздно уж? – заметил князь.

– Нет, ничего, – проговорила Елена, но только таким тоном, что князь очень хорошо понял, что довольно читать.

– До свиданья! – проговорил он, вставая и крепко пожимая своей огромной ручищей красивую руку Елены.

– До свиданья! – сказала она и пошла проводить князя до передней.

– Я все-таки уезжаю с некоторой надеждой! – произнес он, еще раз пожимая ей руку.

– Вам-то на меня надеяться можно, мне-то на вас нельзя! – отвечала Елена с ударением.

– Увидим! – сказал князь.

– Увидим! – повторила и Елена и затем, ловко поклонившись ему, возвратилась на прежнее свое место.

Во всем этом объяснении князь показался ей таким честным, таким бравым и благородным, но вместе с тем несколько сдержанным и как бы не договаривающимся до конца. Словом, она и понять хорошенько не могла, что он за человек, и сознавала ясно только одно, что сама влюбилась в него без ума и готова была исполнить самое капризнейшее его желание, хоть бы это стоило ей жизни.

Шаги матери вывели, наконец, Елену из ее размышлений; она оглянулась: старуха Жиглинская стояла перед ней во весь свой величественный рост.

– Что это, в любви, что ли, он с тобой объяснялся? – спросила она дочь не то одобрительно, не то насмешливо.

– О, вздор какой! – произнесла та досадливым голосом.

– Г-м, вздор! – усмехнулась старуха. – Ко мне, однако, он и проститься не зашел.

– Он рассеян очень; вероятно, забыл, – сказала Елена.

– Не рассеян он, а скорей невежа! – сказала госпожа Жиглинская и опять ушла к себе в комнату, видя, что от дочери ничего более не добьешься.

Князь в это время ехал не домой, а в Английский клуб. Он, видимо, был сильно взволнован всей предыдущей сценой с Еленой и, приехав в клуб, прямо прошел в столовую, где спросил себе бутылку портвейну и порцию рыбы, которой, впрочем, он ничего почти не съел, зато портвейн принялся пить стакан за стаканом. В это время по столовой взад и вперед ходил, заплетаясь разбитой параличом ногою, другой князь, старый, ветхий, и все посматривал, как Григоров опоражнивал бутылку, когда же тот спросил себе еще бутылку, старик долее не вытер-

пел сей возмутительной для него сцены, быстро, насколько позволяла ему параличная его нога, ушел из столовой, прошел все прочие залы, бильярдную, библиотеку и вошел, наконец, в так называемую чернокнижную комнату, где сидело довольно многочисленное общество.

– Там, в столовой, князя Василья Петровича Григорова сынок, – начал он, как бы донося почтенному ареопагу, – другую бутылку портвейну пьет.

Некоторые из собеседников, особенно более молодые, взглянули на старика вопросительно; но другой старик, сидевший в углу и все время дремавший, понял его.

– А мы разве с вами, Никита Семеныч, в гусарах меньше пили? – отозвался он из глубины своих кресел.

– Мы-с пили, – отвечал ему резко князь Никита Семеныч, – на биваках, в лагерях, у себя на квартире, а уж в Английском клубе пить не стали бы-с, нет-с... не стали бы! – заключил старик и, заплетаясь ногою, снова пошел дозировать по клубу, все ли прилично себя ведут. Князя Григорова он, к великому своему удовольствию, больше не видал. Тот, в самом деле, заметно охмелевший, уехал домой.

IV

Прошла вся зима, и наступил великий пост. Елена почти успела выучиться у князя по-английски: на всякого рода ученье она была преспособная. Они прочли вместе Дарвина, Ренана²³, Бюхнера²⁴, Молешотта²⁵; но история любви ихней подвигалась весьма медленно. Дело в том, что, как князь ни старался представить из себя материалиста, но, в сущности, он был больше идеалист, и хоть по своим убеждениям твердо был уверен, что одних только нравственных отношений между двумя любящимися полами не может и не должно существовать, и хоть вместе с тем знал даже, что и Елена точно так же это понимает, но сказать ей о том прямо у него никак не хватало духу, и ему казалось, что он все-таки оскорбит и унижит ее этим. Случайной же минуты увлечения никак не могло выпасть на долю моих влюбленных, так как они видались постоянно в присутствии Елизаветы Петровны, которая в последнее время очень за ними стала присматривать. Сия опытная в жизни дама видела, что ни дочь нисколько не помышляет обеспечить себя насчет князя, ни тот нимало не заботится о том, а потому она, как мать, решила, по крайней мере насколько было в ее возможности, не допускать их войти в близкие между собою отношения; и для этого она, как только приходил к ним князь, усаживалась вместе с молодыми людьми в гостиной и затем ни на минуту не покидала своего поста. Напрасно те при ней читали и разговаривали о совершенно неинтересных для нее предметах, — она с спокойным и неподвижным лицом сидела и вязала. Выведенная всем этим из терпения, Елена даже сказала князю: «Пойдемте в мою комнату, там будет нам уединеннее!» — «И я с вами пойду!» — проговорила при этом сейчас же госпожа Жиглинская самым кротким голосом. — «Но вам скучно будет с нами?» — возразила было ей дочь. — «Нет, ничего!» — отвечала старуха с прежнею кротостью. Все это довело в князе страсть к Елене почти до безумия, так что он похудел, сделался какой-то мрачный, раздражительный.

В одно из воскресений князь обедал у кузины своей Анны Юрьевны. Анна Юрьевна была единственная особа из всей московской родни князя, с которою он не был до неприличия холоден, а, напротив того, видался довольно часто и был даже дружен. Таким предпочтением от кузена Анна Юрьевна пользовалась за свой свободный нрав. Владетельница огромного состояния, она лет еще в семнадцать вышла замуж, но, и двух лет не проживши с мужем, разошлась с ним и без всякой церемонии почти всем рассказывала, что «une canaille de ce genre n'ose pas se marier!»²⁶. Всю почти молодость Анна Юрьевна провела за границей. Скандальная хроника рассказывала про нее множество приключений, и даже в настоящее время шла довольно положительная молва о том, что она ездила на randevu к одному юному музыкальному таланту, но уже сильному пьянице города Москвы. Анна Юрьевна и сама, впрочем, в этом случае не скрытничала и очень откровенно объясняла, что ей многое на том свете должно проститься, потому что она много любила. По наружности своей она была плотная, но еще подбористая блондинка, с сухими и несколько строгими чертами лица и сильно рыжеватыми волосами. Лета ее в настоящее время определить было нельзя, хотя она далеко не выглядела пожилою женщиною. Умная, богатая, бойкая, Анна Юрьевна сразу же заняла одно из самых видных мест в обществе и, куда бы потом ни стала появляться, всюду сейчас же была окружаема, если не толпой обожателей, то, по крайней мере, толпою самых интимных ее друзей, с которыми она говорила и любила говорить самого вольного свойства вещи. С женщинами своего круга Анна

²³ Ренан, Эрнест (1823—1892) — французский философ-идеалист, историк религии. Труды его об Иисусе Христе использовались в борьбе с официальной церковью.

²⁴ Бюхнер, Людвиг (1824—1899) — немецкий физиолог, один из представителей вульгарного материализма, автор книги «Сила и материя».

²⁵ Молешотт, Якоб (1822—1893). — Молешотт — голландский физиолог, представитель вульгарного материализма.

²⁶ такой негодяй не должен жениться! (франц.).

Юрьевна почти не разговаривала и вряд ли не считала их всех сравнительно с собой дурочками. Князь Григоров, никогда и ни с какой женщиной не шутивший, с Анной Юрьевной любил, однако, болтать и на ее вольности отвечал обыкновенно такого рода вольностями, что даже Анна Юрьевна восклицала ему: «Нет, будет! Довольно! Это уж слишком!» Обедать у Анны Юрьевны князь тоже любил, потому что в целой Москве, я думаю, нельзя было найти такого пикантного и приятного на мужской вкус обеда, как у ней. В каждое блюдо у Анны Юрьевны не то что было положено, но навалено перцу... Настоящий обед ублагодотворил тоже князя полнейшим образом: прежде всего был подан суп из бычьих хвостов, пропитанный кайенной²⁷, потом протертое свиное мясо, облитое разного рода соями, и, наконец, трюфели *a la serviette*, и все это предоставлено было запивать благороднейшим, но вместе с тем и крепчайшим бургонским. Князь обедал один у Анны Юрьевны. После обеда, по обыкновению, перешли в будуар Анны Юрьевны, который во всем своем убранстве представлял какой-то нежащий и вместе с тем волнующий характер: на картинах все были очень красивые и полуобнаженные женщины, статуи тоже все Венеры и Дианы, мягкие ковры, мягкая мебель, тепловатый полусвет камина... Сама Анна Юрьевна полулегла на длинное кресло, а князь Григоров, все еще остававшийся угрюмым и мрачным, уселся на диван. Он очень ясно чувствовал в голове шум от выпитого бургонского и какой-то разливающийся по всей крови огонь от кайенны и сой, и все его внимание в настоящую минуту приковалось к висевшей прямо против него, очень хорошей работы, масляной картине, изображающей «Ревекку»²⁸, которая, как водится, нарисована была брюнеткой и с совершенно обнаженным станом до самой талии. Что касается до Анны Юрьевны, которая за обедом тоже выпила стакана два – три бургонского, то она имела заметно затуманившиеся глаза и была, как сама про себя выражалась, в сильно вральном настроении.

– *Gregoire!* – воскликнула вдруг она, соскучившись молчанием кузена. – Девушка, которую я определила по твоему ходатайству, *n'est elle pas la bien-aimee de ton coeur?*²⁹

– Это с чего вам пришло в голову? – спросил, сколько возможно насмешливым и даже суровым голосом, князь. Но если бы в комнате было несколько посветлее, то Анна Юрьевна очень хорошо могла бы заметить, как он при этом покраснел.

– А мне казалось, – воскликнула она, – что тут есть маленькая любовь... Ты знаешь, что из учительниц я делаю ее начальницей?

– Будто? – спросил князь как бы совершенно равнодушным голосом.

– Решительно! *Elle me plait infiniment!*...³⁰ Она такая усердная, такая привлекательная для детей и, главное, такая элегантная.

Анна Юрьевна хоть и бойко, но не совсем правильно изъяснялась по-русски: более природным языком ее был язык французский.

– Я совершенно полагала, что это одна из твоих боковых альянс, – продолжала она.

– Одна из боковых альянс?... – повторил насмешливо князь. – А вы полагаете, что у меня их много?

– Уверена в том! – подхватила Анна Юрьевна и захохотала. – *Il me semble, que la princesse ne peut pas...*³¹, как это сказать по-русски, владеть всем мужчиной.

Князь нахмурился еще более. Такой разговор о жене ему, видимо, показался не совсем приятен и приличен.

– *Je crois qu'elle est tres apathique*³², – продолжала Анна Юрьевна.

²⁷ Кайенна – здесь название кайеннского перца, ввозимого из города Кайенны во Французской Гвиане.

²⁸ Ревекка – героиня библейских легенд, жена патриарха Исаака, мать Исава и Иакова.

²⁹ не предмет ли она твоей любви? (франц.).

³⁰ Она мне очень нравится!.. (франц.).

³¹ Мне кажется, что княгиня не может... (франц.).

³² Я думаю, что она слишком апатична (франц.).

– Et pourquoi le croyez vous?³³ – спросил князь, уже рассмеявшись.
– Parce qu'elle est blonde!³⁴ – отвечала Анна Юрьевна.
– Mais vous l'etes de meme!³⁵ – возразил ей грубо князь.
– Oh!.. moi, je suis rousse!³⁶ У нас кровь так подвижна, что не имела времени окраситься, а так красная и выступила в волосах: мы все – кровь.

Князь покачал на это только головою.

– Новая теория!.. Никогда не слыхал такой.

– Ну так услышь! Знай это. А *propos*, *encore un mot*³⁷: вчера приезжал ко мне этот Елпидифор Мартыныч!.. – И Анна Юрьевна, несмотря на свой гибкий язык, едва выговаривала эти два дубоватые слова. – Он очень плачет, что ты прогнал его, не приглашаешь и даже не принимаешь: за что это?

– За то, что он дурак и подлец великий! – отвечал князь.

– Но чем? – спросила Анна Юрьевна, уже воскликнув и настойчиво.

– Всем, начиная с своей подлой рожи до своих подлых мыслей! – сказал князь.

– *Fi donc, mon cher*!³⁸ У всех русских, я думаю, особенно которые из бедных вышли, такие же рожи и мысли.

Анна Юрьевна не совсем, как мы видим, уважала свою страну и свой народ.

– Подите вы: у всех русских! – перебил ее князь.

– Елпидифор, по крайней мере, тем хорош, – продолжала Анна Юрьевна, – что он раб и собачка самая верная и не предаст вас никогда.

– Ну, я до рабов не охотник, и, по-моему, чем кто, как раб, лучше, тем, как человек, хуже. *Adieu*! – произнес князь и встал.

– Ты уж едешь? – спросила Анна Юрьевна с неудовольствием.

– Еду, нужно! – отвечал князь и при этом, как бы не утерпев, еще раз взглянул на «Ревекку».

– Головой парирую, что ты едешь не домой! – сказала Анна Юрьевна, пожимая ему руку.

– Не домой, – ответил князь.

– Но куда же?

– Куда нужно!

– Если мужчина не говорит, куда едет, то он непременно едет к женщине.

Князь не без досады усмехнулся.

– У вас, кажется, кузина, только и есть в голове, как мужчины ездят к женщинам или как женщины ездят к мужчинам.

– Нет! – отвечала Анна Юрьевна с презрительной гримасой. – Надоело все это, так все *prosaïque*³⁹, ничего нет оригинального.

– Но чего же бы вы желали оригинального?

– Любви какого-нибудь философа, медвежонка не ручного, как ты, например!

– Я? – произнес князь и захохотал даже при этом.

– Ты, да! – подтвердила Анна Юрьевна.

– В первый раз слышу! – проговорил князь и явно поспешил уйти поскорей от кузины.

– И в последний: женщины двух раз подобных вещей не говорят! – крикнула она ему вслед.

³³ Почему же вы это думаете? (франц.).

³⁴ Потому что она блондинка! (франц.).

³⁵ Но вы также! (франц.).

³⁶ О, я рыжая!.. (франц.).

³⁷ Кстати, еще одно слово (франц.).

³⁸ Полноте, мой дорогой! (франц.).

³⁹ обыденно (франц.).

Князь на это ничего не ответил и, сев в карету, велел себя везти на Кузнецкий мост. Здесь он вышел из экипажа и пошел пешком. Владевшие им в настоящую минуту мысли заметно были не совсем спокойного свойства, так что он горел даже весь в лице. Проходя мимо одного оружейного магазина и случайно взглянув в его окна, князь вдруг приостановился, подумал с минуту и затем вошел в магазин.

– Дайте мне револьвер, пожалуйста! – сказал он каким-то странным голосом, обращаясь к красивому а изящному из себя приказчику.

– Большой прикажете? – спросил его тот.

– Чтобы человека мог убить! – ответил князь, не совсем искренно улыбаясь.

– О, это всякий убьет! – подхватил с гордостью приказчик. – *Voici, monsieur*, – прибавил он, показывая шестизарядный револьвер.

– Кажется, хорош? – произнес князь.

– Превосходный! – воскликнул приказчик и, как бы в доказательство того, прицелился револьвером в другого приказчика, который при этом усмехнулся и отодвинулся немного.

– Вам, вероятно, револьвер нужен для дороги, *monsieur*? – присовокупил первый приказчик.

– Да-а! – протянул князь. – Я еду в деревню, а теперь там без револьвера нельзя.

– О, да, *monsieur*, многие помещики берут с собой револьверы. Зарядов прикажете?

– Непременно-с! – отвечал князь.

Приказчик, уложив револьвер и заряды в один общий ящик, подал его князю. Тот, расплатившись, вышел из магазина и велел себя везти в гостиницу Роше-де-Канкаль.

– Номер мне особенный! – сказал он, входя туда.

– В какую цену? – спросил было его лакей.

– В какую хочешь! – отвечал князь.

Лакей ввел его в богатейший номер с огромными зеркалами в золотых рамах, с шелковой драпировкой, с камином и с роскошной постелью.

– Чернильницу мне и все, что нужно для письма! – сказал князь.

– Сию секунду-с! – отвечал лакей и, сбегав, принес что ему было приказано.

– Ты мне больше не нужен, – сказал ему почти сердито князь.

Лакей поспешно стушевался.

Князь – выражение лица у него в эти минуты было какое-то ожесточенное – сейчас же сел и принялся писать:

«Несравненная Елена! Я желаю до сумасшествия видеть вас, но ехать к вам бесполезно; это все равно, что не видеть вас. Доверьтесь мне и приезжайте с сим посланным; если вы не приедете, я не знаю, на что я решусь!»

Запечатав эту записку облаткой, князь позвонил. Вбежал тот же лакей.

– Кучера мне моего позови! – проговорил князь.

Лакей вышел, и через минуту вошел кучер, красивый мужик в длиннополом лисьем суконном кафтане и в серебряном широком кушаке. Водкой и холодом так и пахло от него на всю комнату.

– Ты поезжай к Жиглинским, – слышишь?.. – заговорил князь. – Отыщи там барышню непременно, – слышишь?.. Отдай ей в руки вот это письмо, только ей самой, – понимаешь?.. И привези ее сюда.

– Понимаю-с! – протянул кучер.

Он, кажется, в самом деле понял, в чем тут штука.

– Если ее дома нет, то отыщи ее там, куда она уехала, хоть бы на дне морском то было, – понимаешь?.. – продолжал князь тем же отрывистым и почти угрожающим голосом.

– Отыщу-с, только бы сказали где, – отвечал кучер, потупляя несколько глаза перед князем.

– Ступай!

Кучер вышел и, проходя коридором, видимо, соображал, как ему все это хорошенько сделать для барина.

Оставшись один, князь принялся ходить по номеру. Шаги его были беспорядочны: он шел то в один угол, то в другой. Не прошло еще и десяти минут после того, как кучер уехал, а князь уже начал прислушиваться к малейшему шуму в коридоре, и потом, как бы потеряв всякую надежду, подошел к револьверу, вынул его, осмотрел и зарядил. Глаза у него в эти минуты были почти помешаны, руки дрожали... Но вот послышался, наконец, щелчок замка в двери номера; князь поспешно спрятал револьвер в ящик и вышел на середину комнаты; затем явно уже слышен стал шум платья женского; князь дрожал всем телом. Вошла Елена, несколько сконфуженная и робеющая.

– Здравствуй!.. Что это тебе так вздумалось прислать за мною?.. – говорила она.

– Да так уж, извини!.. – сказал князь, беря и целуя обе ее руки. – Мы, впрочем, здесь совершенно безопасны, – прибавил он, подходя и запирая дверь.

Елена сняла шляпку и подошла к зеркалу поправить свои волосы. Некоторое смущение и конфузливость были заметны во всей ее фигуре, во всех ее движениях.

– Ну, садись! – сказал ей князь, тоже как-то неловко и несмело беря ее за руку и сажая на стул.

Елена повиновалась ему.

– А что мать твоя? – спросил он.

– Она, как нарочно, в гости сегодня уехала, – отвечала с улыбкою Елена.

– А если бы не уехала, так, пожалуй бы, и не пустила тебя?

Лицо Елены мгновенно нахмурилось и приняло какой-то решительный вид.

– Вот еще! Послушалась бы я!.. Взяла да ушла, – сказала она.

– А скажи, отчего это она, – продолжал князь, – двух слов не дает нам сказать наедине?

Елена затруднилась несколько отвечать на этот вопрос. Она отчасти догадывалась о причине, почему мать так надзирает за ней, но ей самой себе даже было стыдно признаться в том.

– Может быть, ей почему-нибудь не нравятся наши отношения, – отвечала она.

– А ты знаешь, – подхватил князь, все ближе и ближе пододвигаясь к Елене, – что если бы ты сегодня не приехала сюда, так я убил бы себя.

– Что за глупости! – воскликнула Елена.

– Нет, не глупости; я и револьвер приготовил! – прибавил он, показывая на ящик с пистолетом.

– Фарс! – проговорила Елена уже с досадой. – Не говори, пожалуйста, при мне пустых слов: я ужасно не люблю этого слушать.

– Это не пустые слова, Елена, – возражал, в свою очередь, князь каким-то прерывистым голосом. – Я без тебя жить не могу! Мне дышать будет нечем без твоей любви! Для меня воздух без этого не будет существовать, – понимаешь ты?

Елена сомнительно, но не без удовольствия покачала своей хорошенькой головкой.

– Наконец, я прямо тебе говорю, – продолжал князь, – я не в состоянии более любить тебя в таких далеких отношениях... Я хочу, чтобы ты вся моя была, вся!..

Елена при этом немного отвернулась от него.

– Да разве это не все равно? – сказала она.

– Нет, не все равно.

– Ну, люби меня, пожалуй, как хочешь!.. – проговорила, наконец, Елена, но лица своего по-прежнему не обращала к нему.

– Я сегодня, – говорил, как бы совсем обезумев от радости, князь, – видел картину «Ревекка», которая, как две капли, такая же красавица, как ты, только вот она так нарисована, –

прибавил он и дрожащей, но сильной рукой разорвал передние застёжки у платья Елены и спустил его вместе с сорочкою с плеча.

– Что ты, сумасшедший? – было первым движением Елены воскликнуть.

Князь же почти в каком-то благоговении упал перед ней на колени.

– О, как ты дивно хороша! – говорил он, простирая к ней руки.

Елена пылала вся в лице, но все-таки старалась сохранить спокойный вид: по принципам своим она находила очень естественным, что мужчина любит тело любимой женщины.

– А что, если ты... – заговорила она, кидая на князя взгляд, – не будешь меня любить так, как я хочу, чтоб меня любили?

– Буду, как только ты желаешь, но ты меня разлюбишь сама!

– За что же я тебя разлюблю?... Разве ты знаешь причину тому?

– Никакой я не знаю, но можешь разлюбить. Постой!.. – воскликнул князь и встал на ноги. – Если ты разлюбишь меня или умрешь, так позволь мне застрелить себя... из этого револьвера... – прибавил он и раскрыл перед Еленой ящик с оружием.

– Изволь! – отвечала та, смеясь.

– Напиши это чернилами на крышке.

– Зачем же писать? – спросила Елена.

– Непременно напиши, я хочу этого.

– Но что ж я писать буду?

– Напиши, что «позволяю князю Григорову, когда я разлюблю его, застрелиться, такая-то».

Елена написала.

– Ну, теперь я доволен! – проговорил князь и стал снова перед Еленой на колени.

V

Весеннее солнце весело светило в квартиру госпожи Жиглинской. Сама Елизавета Петровна сидела на этот раз в гостиной, по обыкновению своему сохраняя весьма гордую позу, а прямо против нее помещался, несколько раз уже посещавший ее, Елпидифор Мартыныч, раздушенный, в новом вицмундире, в чистом белье и в лаковых даже сапогах. Он всегда ездил к Жиглинским прифранченный и заметно желал встретиться с Еленой, но ни разу еще не застал ее дома. Елизавета Петровна, очень обрадовавшись приезду этого гостя, не преминула сейчас же начать угощать его кофеем, приятный запах от которого и распространился по всем комнатам. Довольство в доме Жиглинских с тех пор, как Елена сделалась начальницей заведения, заметно возросло; но это-то именно и кидало Елизавету Петровну в злобу неописанную: повышение дочери она прямо относила не к достоинствам ее, а к влиянию и просьбам князя. «А, голубчик, ты этими наградами по должности и думаешь отделаться?!. Нет, шалишь!» – рассуждала она все это время сама с собой, и Елпидифор Мартыныч приехал к ней как нельзя более кстати, чтобы излить перед ним все, что накопилось у нее на душе.

– Да, времена, времена!.. – говорила она, и нахальное лицо ее покрылось оттенком грусти.

– К-х-ха! – откашлянулся ей в ответ Елпидифор Мартыныч. – Времена вот какие-с!.. – начал он самой низкой октавой и как бы читая тайные мысли своей собеседницы. – Сорок лет я лечил у князей Григоровых, и вдруг негоден стал!..

– За что же так? – спросила она его насмешливо.

– К-х-ха! – кашлянул Елпидифор Мартыныч. – За то, видно, что не говори правды, не теряй дружбы!..

– Вот за что! – произнесла Елизавета Петровна: она давно и хорошо знала Иллионского и никак не предполагала, чтобы он когда-нибудь и в чем-нибудь позволил себе быть мучеником за правду.

– Конечно, это грустно видеть... – продолжал он с некоторым уже чувством. – Покойный отец князя был человек почтенный; сколько тоже ни было здесь высшего начальства, все его уважали. Я сам был лично свидетелем: стояли мы раз у генерал-губернатора в приемной; генералов было очень много, полковников тоже, настоятель греческого монастыря был, кажется, тут же; только всем говорят: «Занят генерал-губернатор, дожидайтесь!» Наконец, слышим – грядет: сам идет сзади, а впереди у него князь Григоров, – это он все с ним изволил беседовать и заниматься. Генералам всем генерал-губернатор говорит: «Вы зачем? Вам что надо?», – а князю Григорову жмет ручку и говорит: «Adieu, mon cher⁴⁰, приезжай завтра обедать!» К-ха! – заключил Елпидифор Мартыныч так сильно, что Елизавета Петровна, довольно уже привыкшая к его кашлю, даже вздрогнула немного.

– Ну, сынку такой чести не дожидаться! – заметила она.

– Нет... нет!.. – подхватил ядовито-насмешливо Елпидифор Мартыныч. – Вот который год живет здесь, а я человека порядочного не видал у него!.. Мало, что из круга своего ни с кем не видится, даже с родными-то своими со всеми разошелся, и все, знаете, с учеными любит беседовать, и не то что с настоящими учеными – с каким-нибудь ректором университета или ректором семинарии, с архиереем каким-нибудь ученым, с историком каким-нибудь или математиком, а так, знаете, с вольнодумцами разными; обедами их все прежде, бывало, угощал. Ну, и меня тоже иногда княгиня оставляла, так страсти господни сидеть за столом было – ей-богу!.. Таковую ахинею несут, что хоть святых выноси вон! А возражать им станешь, насмешке подвергать тебя станут, точно с малым ребенком разговаривать с тобой примутся. Ко мне раз

⁴⁰ До свидания, мой дорогой (франц.).

сам князь пристал, что видал ли я чудеса? «Нет, говорю, не имел этого счастья!» Ну так, говорит... Повторить даже теперь не могу, что сказал дерзновенный...

– Все это, я полагаю, от скупости в нем происходит, – сказала Елизавета Петровна.

– К-х-ха! – откашлянулся Елпидифор Мартыныч; он никак не ожидал такого вывода из его слов.

– Может быть, и от того, – произнес он.

– Совершенно от того! – подтвердила Елизавета Петровна. – У меня тоже вон дочка, – прибавила она, не помолчав даже нисколько, – хоть из рук вон брось!

– А!.. – произнес Иллионский, сначала не понявший хорошенько, почему Елизавета Петровна прямо с разговора о князе перешла к разговору о дочери.

– В восемь часов утра уйдет из дому, а в двенадцать часов ночи является!.. – продолжала она.

– А!.. – произнес еще раз Елпидифор Мартыныч. – Что же это она на службе, что ли, чем занята бывает?.. – прибавил он глубокомысленно.

– Какая это служба такая до двенадцати часов ночи? Если уж и служба, так какая-нибудь другая... – возразила Елизавета Петровна и злобно усмехнулась.

Она и прежде того всем почти всегда жаловалась на Елену и не только не скрывала никаких ее недостатков, но даже выдумывала их. Последние слова ее смутили несколько даже Елпидифора Мартыныча. Он ни слова ей не ответил и нахмурил только лицо.

– С тех пор и князь у нас почти не бывает, – присовокупила Елизавета Петровна.

– Не бывает? – спросил Елпидифор Мартыныч, навастривая с любопытством уши.

– Зачем же ему бывать? Видаются где-нибудь и без того! – отрезала Елизавета Петровна напрямик.

– Боже мой, боже мой! – произнес Елпидифор Мартыныч; такая откровенность Елизаветы Петровны окончательно его смутила.

– Только они меня-то, к сожалению, не знают... – продолжала между тем та, все более и более приходя в озлобленное состояние. – Я бегать да подсматривать за ними не стану, а прямо дело заведу: я мать, и мне никто не запретит говорить за дочь мою. Господин князь должен был понимать, что он – человек женатый, и что она – не уличная какая-нибудь девчонка, которую взял, поиграл да и бросил.

– Чего уличная девчонка!.. Нынче и с теми запрещают делать то! – воскликнул искреннейшим тоном Елпидифор Мартыныч: он сам недавно попался было прокурорскому надзору именно по такого рода делу и едва отвертелся.

– Как же не воспрещают!.. – согласилась Елизавета Петровна. – Но я, собственно, говорю тут не про любовь: любовь может овладеть всяким – женатым и холостым; но вознагради, по крайней мере, в таком случае настоящим манером и обеспечить девушку, чтобы будущая-то жизнь ее не погибла от этого!

– Еще бы не обеспечить! – проговорил Елпидифор Мартыныч, разводя своими короткими ручками: он далеко не имел такого состояния, как князь, но и то готов бы был обеспечить Елену; а тут вдруг этакий богач и не делает того...

– И не думает, не думает нисколько! – воскликнула Елизавета Петровна. – Я затем вам и говорю: вы прямо им скажите, что я дело затею непременно!

– Мне кому говорить? Я у них и не бываю... – возразил было на первых порах Елпидифор Мартыныч.

– Ну, там кому знаете! – произнесла госпожа Жиглинская почти повелительно: она почувствовала, что Елпидифор Мартыныч непременно пожелает об этом довести до сведения князя, и он действительно пожелал, во-первых, потому, что этим он мог досадить князю, которого он в настоящее время считал за злейшего врага себе, а во-вторых, сделать неприятность Елене, которую он вдруг почему-то счел себя вправе ревновать. Но кому же передать о том?..

Князь и княгиня не принимают его... Лучше всего казалось Елпидифору Мартынычу рассказать о том Анне Юрьевне, которая по этому поводу станет, разумеется, смеяться князю и пожурит, может быть, Елену.

– Ну, прощайте! – сказал он, вставая.

– Прощайте! – отвечала ему госпожа Жиглинская, опять-таки предчувствуя, что он сейчас именно и едет исполнить ее поручение.

Елпидифор Мартыныч в самом деле проехал прямо к Анне Юрьевне.

– Дома госпожа? – спросил он очень хорошо ему знакомого лакея.

– Дома, у себя в кабинете, но заняты, кажется... – отвечал ему тот почти с презрением.

– Ничего! – отвечал Елпидифор Мартыныч и прошел прямо в кабинет.

Анна Юрьевна действительно сидела и писала письмо.

– Здравствуйте! – проговорила она, узнав Иллионского по походке и громкому кашлю, который он произвел, проходя гостиную.

– Садитесь, только не перед глазами, а то развлекать будете, – говорила она, не поднимая глаз от письма.

Анна Юрьевна хоть и принимала Елпидифора Мартыныча, но как-то никогда не допускала его близко подходить к себе: он очень возмущал ее чувство брезгливости своим гадким вицмундиром и своим гадким париком.

– Что нового? – проговорила она, кончив, наконец, писать.

– Ничего особенного-с. К-х-ха!.. – отвечал ей с кашлем Елпидифор Мартыныч. – У матери одной я сейчас был – гневающейся и плачущей.

– У какой это? – спросила Анна Юрьевна, зевая во весь рот.

– У Жиглинской, у старушки, – отвечал невинным голосом Иллионский.

– О чем же она плачет? – сказала Анна Юрьевна опять-таки совершенно равнодушно.

– По случаю дочери своей: совсем, говорит, девочка с панталыку сбилась...

– Елена? – спросила Анна Юрьевна, раскрывая в некотором удивлении глаза свои.

– Елена Николаевна-с, к-х-ха!.. – отвечал Елпидифор Мартыныч. – В восемь часов утра, говорят, она уходит из дому, а в двенадцать часов ночи возвращается.

– Где же она бывает?

Елпидифор Мартыныч пожал плечами.

– Мать говорит, что в месте, вероятно, недобропорядочном!

– Но с кем-нибудь, значит?

– Уж конечно.

– С кем же?

– Мать подозревает, что с князем Григорьем Васильевичем.

– С Гришей? Вот как!.. – воскликнула Анна Юрьевна.

Елпидифор Мартыныч держал при этом глаза опущенными в землю.

– Но хороша и мать, – какие вещи рассказывает про дочь! – продолжала Анна Юрьевна.

– Она мне по старому знакомству это рассказала, – проговорил Елпидифор Мартыныч.

– А вы мне тоже по старому знакомству разболтали?.. – воскликнула Анна Юрьевна насмешливо. – И если вы теперь, – прибавила она с явно сердитым и недовольным видом, – хоть слово еще кому-нибудь, кроме меня, пикнете о том, так я на всю жизнь на вас рассержусь!..

– Я никому, кроме вас, и не смею сказать-с, – пробормотал Елпидифор Мартыныч, сильно сконфуженный таким оборотом дела.

– А мне-то вы разве должны были говорить об этом, – неужели вы того не понимаете? – горячилась Анна Юрьевна. – Елена моя подчиненная, она начальница учебного заведения: после этого я должна ее выгнать?

Елпидифор Мартыныч откашлянулся на весь почти дом.

– Нет-с, я не к тому это сказал, – начал он с чувством какого-то даже оскорбленного достоинства, – а говорю потому, что мать мне прямо сказала: «Я, говорит, дело с князем затею, потому что он не обеспечивает моей дочери!»

– Да разве он не обеспечивает? – перебила его Анна Юрьевна.

– Нисколько, говорит мать... Кому же мне сказать о том? У князя я не принят в доме... я вам и докладываю. К-ха!

Анна Юрьевна некоторое время размышляла.

– Это надобно как-нибудь устроить... – проговорила она как бы больше сама с собой. – Ну, прощайте теперь, – заключила она затем, кивнув головой Елпидифору Мартынычу.

Тот на это не осмелился даже поклониться Анне Юрьевне, а молча повернулся и тихо вышел из кабинета. Анна Юрьевна после того тотчас же велела заложить карету и поехала к Григоровым. Первые ее намерения были самые добрые – дать совет князю, чтобы он как можно скорее послал этим беднякам денег; а то он, по своему ротозейству, очень может быть, что и не делает этого... (Анна Юрьевна считала князя за очень умного человека, но в то же время и за величайшего разиню). Девочка, по своей застенчивости и стыдливости, тоже, вероятно, ничего не просит у него, и старуха, в самом деле, затеет процесс с ним и сделает огласку на всю Москву. Но когда Анна Юрьевна приехала к Григоровым, то князя не застала дома, а княгиня пригласила ее в гостиную и что-то долго к ней не выходила: между княгиней и мужем только что перед тем произошла очень не яркая по своему внешнему проявлению, но весьма глубокая по внутреннему содержанию горя сцена. День этот был день рождения княгини, и она с детства еще привыкла этот день весело встречать и весело проводить, а потому поутру вошла в кабинет мужа с улыбающимся лицом и, поцеловав его, спросила, будет ли он сегодня обедать дома. Князь более месяца никогда почти не бывал дома и говорил жене, что он вступил в какое-то торговое предприятие с компанией, все утро сидит в их конторе, потом, с компанией же, отправляется обедать в Троицкий, а вечер опять в конторе. Княгиня делала вид, что верит ему.

– Что же, ты обедаешь или нет дома? – повторила она свой вопрос, видя, что князь не отвечает ей и сидит насупившись.

– Нет, не могу и сегодня, – отвечал он, не поднимая головы.

– Ну, как хочешь! – отвечала княгиня и затем, повернувшись, ушла в гостиную, где и принялась потихоньку плакать.

Князь все это видел, слышал и понимал. Сначала он кусал себе только губы, а потом, как бы не вытерпев долее, очень проворно оделся и ушел совсем из дому.

Когда княгине доложили о приезде Анны Юрьевны, она велела принять ее, но сама сейчас же убежала в свою комнату, чтобы изгладить с лица всякий след слез. Она не хотела еще никому из посторонних показывать своей душевной печали.

Покуда княгиня приводила себя в порядок, Анна Юрьевна ходила взад и вперед по комнате, и мысли ее приняли несколько иное течение: прежде видя князя вместе с княгиней и принимая в основание, что последняя была *tres apathique*, Анна Юрьевна считала нужным и неизбежным, чтобы он имел какую-нибудь альянс на стороне; но теперь, узнав, что он уже имеет таковую, она стала желать, чтобы и княгиня полюбила кого-нибудь постороннего, потому что женщину, которая верна своему мужу, потому что он ей верен, Анна Юрьевна еще несколько понимала; но чтобы женщина оставалась безупречна, когда муж ей изменил, – этого даже она вообразить себе не могла и такое явление считала почти унижением женского достоинства; потому, когда княгиня, наконец, вышла к ней, она очень дружественно встретила ее.

– Bonjour, ma chère, – сказала она, крепко пожимая ей руку. – Супруга твоего, по обыкновению, нет дома, – прибавила она, усевшись с хозяйкою на диван.

– Дома нет, – отвечала княгиня, стараясь насильно улыбнуться.

- Что же ты одна сидишь?.. Тебе надобно иметь un bon ami⁴¹, который бы развлекал тебя.
- Непременно надобно! – подхватила княгиня, продолжая притворно улыбаться.
- Что же мешает? – спросила Анна Юрьевна.
- Не умею, кузина! – отвечала княгиня.
- О, ma chere, quelle folie!⁴² Как будто бы какая-нибудь женщина может говорить так!

Это все равно, что если бы кто сказал, qu'il ne sait pas manger!⁴³

Княгиня и на это только усмехнулась.

– Шутки в сторону! Приезжай ко мне сегодня обедать, – продолжала Анна Юрьевна, в самом деле, должно быть, серьезно решившаяся устроить что-нибудь в этом роде для княгини. – У меня сегодня будет обедать un certain monsieur Chimsky!⁴⁴ Il n'est pas jeune, mais il est un homme fort agreable.

Химский был один из старых заграничных знакомых Анны Юрьевны, некогда участвовавший во всех ее удовольствиях.

- Нет, сегодня не могу, – отвечала княгиня, все-таки желавшая отобедать этот день дома.
- Отчего же?.. Приезжай! – повторила настойчиво Анна Юрьевна.

Ей, по преимуществу, хотелось познакомить княгиню с Химским, который был очень смелый и дерзкий человек с женщинами, и Анна Юрьевна без искреннего удовольствия вообразить себе не могла, как бы это у них вдруг совершенно неожиданно произошло: Анна Юрьевна ужасно любила устраивать подобные неожиданности.

- Что же, приедешь или нет? – повторила она.

– Нет! – отвечала княгиня.

- Глупо! – произнесла Анна Юрьевна и позевнула; ей уже стало и скучно с княгиней.

Посидев еще несколько времени, больше из приличия, она начала, наконец, прощаться и просила княгиню передать мужу, чтобы тот не медля к ней приехал по одному очень важному для него делу; но, сходя с лестницы, Анна Юрьевна встретила самого князя.

С ним произошел такого рода случай: он уехал из дому с невыносимой жалостью к жене. «Я отнял у этой женщины все, все и не дал ей взамен ничего, даже двух часов в день ее рождения!» – говорил он сам себе. С этим чувством пришел он в Роше-де-Канкаль, куда каждодневно приходила из училища и Елена и где обыкновенно они обедали и оставались затем целый день. По своей подвижной натуре князь не удержался и рассказал Елене свою сцену с женой. Та выслушала его весьма внимательно.

- Что же, поезжай, отобедай с ней вместе, – сказала она, потупляя свои черные глаза.

– Не хочется что-то, – произнес не совсем, как показалось Елене, искренним голосом князь.

- Мало чего не хочется! – возразила ему Елена совсем уже неискренне.

– И в самом деле, лучше ехать! – сказал князь, подумав немного, и затем сейчас же встал с своего места.

- Поезжай! – повторила ему еще раз Елена, протягивая на прощанье руку.

Если бы князь хоть сколько-нибудь повнимательнее взглянул на нее, то увидел бы, какая мрачная буря надвинулась на ее молодое чело.

- После обеда я приеду сюда. Ты подожди меня, – сказал он торопливо.

– Нет, я дожидаться не стану... – отвечала Елена.

- Отчего же?

⁴¹ доброго друга (франц.).

⁴² моя дорогая, какое безумие! (франц.).

⁴³ что он не умеет есть! (франц.).

⁴⁴ некий господин Химский! Он не молод, но человек весьма приятный (франц.).

– Оттого, что не хочу, – произнесла Елена, видимо, употребив над собой все усилие, чтобы смягчить свой голос и сделать его менее гневным.

– Жаль очень! – проговорил князь, ничего этого не заметивший и спешивший только уйти.

Ему на этот раз больше всего хотелось приехать поскорей домой и утешить жену.

– Ах, очень кстати! – воскликнула Анна Юрьевна, увидев его входящим в сени. – Где бы тут переговорить с тобой? Можно в этой швейцарской? – прибавила она, показывая на комнату швейцара.

– Я думаю, можно, – отвечал князь, несколько удивленный ее словами и встречей с нею.

И затем они оба вошли в швейцарскую.

– У тебя связь с Еленой, но ты не даешь ей ни копейки денег! Мне сегодня очень достоверный человек рассказал, *que sa mere a envie de porter plainte centre vous*⁴⁵, – начала Анна Юрьевна прямо.

– Как я не даю? Сколько раз я предлагал Елене... – бухнул князь, совсем опешенный словами Анны Юрьевны.

– Не Елене надобно было предлагать!.. Она, конечно, у тебя не возьмет, а пошли матери, и пошли сейчас же. А теперь прощай, – проговорила Анна Юрьевна и сама пошла.

– Кузина, я боюсь больше всего, чтобы это открытие не повредило в ваших глазах Елене? – проговорил ей вслед несколько опомнившийся князь.

– Вот вздор какой! – отвечала Анна Юрьевна, садясь в свою карету.

⁴⁵ что ее мать намерена жаловаться на вас (франц.).

VI

Совет кухни, в отношении Жиглинских, князь выполнил на другой же день, и выполнил его весьма деликатно. Зная, когда Елены наверное не бывает дома, он послал к старухе Жиглинской своего управляющего, который явился к Елизавете Петровне и вручил ей от князя пакет с тремястами рублей серебром.

– Князь приказал вас спросить, – доложил ей при этом управляющий, – как вам будет угодно получать деньги на следующие месяцы: к вам ли их прикажете доставлять на дом или сами будете жаловать к нам в контору для получения?

– Ах, я сама буду ездить, вы не беспокойтесь, – проговорила Елизавета Петровна, принимая трепещущими руками деньги и вся краснея в лице от удовольствия.

Управляющий поклонился ей и хотел было уйти.

– Князь нанял у меня землю и, вероятно, помесечно желает мне платить, – пояснила ему г-жа Жиглинская.

– Да-с, они ежемесячно приказали вам доставлять, – ответил ей управляющий.

– Очень благодари!.. Очень!.. – говорила Елизавета Петровна радушнейшим голосом. – У князя, кажется, тоже есть имение в Саратовской губернии?

– Есть, – сказал управляющий.

– Ну, и мое имение, значит, соседнее вашему. Не в убытке будете, что наняли, не в убытке! – повторила Елизавета Петровна дважды.

Управляющий молчал. Князь не говорил ему ни слова об имении.

– Большое имение князь изволил у вас взять? – спросил он.

– О, да, порядочное! – отвечала Елизавета Петровна с некоторою важностью.

Ей казалось, что она, лгав таким образом, очень умно и тонко поступает.

Когда управляющий ушел, Елизавета Петровна послала Марфушку купить разных разностей к обеду. Елене, впрочем, о получении денег она решила не говорить лучше, потому что, бог знает, как еще глупая девочка примет это; но зато по поводу другого обстоятельства она вознамерилась побеседовать с ней серьезно.

Елена в этот день возвратилась из училища не в двенадцать часов ночи, а к обеду. Выйдя поутру из дому, Елена только на минуту зашла в Роше-де-Канкаль, отдала там швейцару записочку к князю, в которой уведомляла его, что она не придет сегодня в гостиницу, потому что больна; и затем к обеду возвратилась из училища домой. Ее очень рассердил вчера князь. Напрасно рассудок говорил в Елене, что князь должен был таким образом поступить и что для нее ничего тут нет ни оскорбительного, ни унижительного. Нет, не должен! – возражала она в сердцах сама себе, – и если супруге своей он не в состоянии отказать в подобных пустяках, значит, она страшное значение имеет для него. Что же после того Елена?.. Одно только пустое времяпрепровождение его, и с ней поэтому церемониться нечего! Можно ей рассказать со всевозможными подробностями о своих глупых объяснениях с супругой. Он гораздо бы больше показал ей уважения, если бы просто не приехал и сказал, что нельзя ему было, – все-таки это было бы умнее для него и покойнее для нее; тогда она по крайней мере не знала бы пошлой причины тому. О, как в эти минуты Елена возненавидела княгиню и дала себе твердое и непреложное слово, в первое же свидание с князем, объяснить ему и показать въяве: каков он есть человек на свете!

Елена, как и большая часть девушек ее времени и воспитания, иногда любила в мыслях и разговорах даже употреблять простонародные обороты.

Когда, наконец, Елизавета Петровна позвала дочь сесть за стол, то Елена, несмотря на свою грусть, сейчас же заметила, что к обеду были поданы: жареная дичь из гастрономического магазина, бутылка белого вина и, наконец, сладкий пирог из грецких орехов, весьма любимый

Еленю. Она подумала, что мать все это приготовила по тому случаю, что Елена накануне еще сказала, что придет обедать домой, и ей сделалось несколько совестно против старухи. «Она-то меня все-таки любит, а я уж ее нисколько!» – подумала Елена с некоторою болью в сердце.

Елизавета Петровна между тем была в превосходнейшем расположении духа.

– Я не помню, говорила ли я тебе, – начала она, обращаясь к дочери и каким-то необыкновенно развязным тоном, – что у покойного мужа было там одно дело, по которому у него взято было в опеку его имение.

– Нет, не говорили, – отвечала ей серьезно Елена, действительно никогда ничего подобного не слыхавшая от матери.

– Как же, очень порядочное имение! – воскликнула Елизавета Петровна. – И вообрази себе: сегодня является ко мне письмоводитель квартального и объявляет, что дело это решено в нашу пользу; доставил мне часть денег и говорит, что и еще мне будет доставлено!..

– Это хорошо! – проговорила Елена с удовольствием.

– Как же, ангел мой, не хорошо! Кроме уже помощи, которую мы теперь получим, у нас будет ежегодный доход.

Перед дочерью Елизавета Петровна выдумала о каком-то имении покойного мужа затем, чтоб Елене не кинулся в глаза тот избыток, который Елизавета Петровна, весьма долго напостившаяся, намерена была ввести в свою домашнюю жизнь: похоти сердца в ней в настоящее время заменились похотями желудочными!

– Теперь еще я хотела тебя спросить, – продолжала она каким-то даже умильным голосом, – отчего у нас князь не бывает совсем?

– Он заметил, что вам не нравятся его посещения, – отвечала Елена.

– Господи помилуй! Господи помилуй!.. И не думала, и не думала! – воскликнула Елизавета Петровна, всплеснув даже руками.

– Как же вы не думали? Вы стерегли нас, как я не знаю что! – возразила ей Елена.

– Да мне просто любопытно было посидеть и послушать ваших умных разговоров, больше ничего! – отвечала г-жа Жиглинская невиннейшим голосом.

Елена на это ничего не сказала и только нахмурилась: она очень хорошо видела, что мать тут лжет отъявленным образом.

– Если в этом только, то пускай приезжает, я глаз моих не покажу. Что, в самом деле, мне, старухе, с вами, молодыми людьми, делать, о чем разговаривать?

Елена и на это тоже молчала. Она одного только понять не могла, отчего в матери произошла такая перемена, и объясняла это приятным настроением ее духа вследствие получения по какому-то делу денег.

– Ты, пожалуйста, попроси князя бывать у нас. Мне очень грустно, очень неприятно, что он так понимает меня! – продолжала Елизавета Петровна.

– Хорошо, я ему скажу... – проговорила Елена.

Она сама гораздо бы больше желала, чтобы князь бывал у них, а то, как она ни вооружалась стоическим спокойствием, но все-таки ей ужасно тяжело и стыдно было середь белого дня приходить в Роше-де-Канкаль. Ей казалось, что она на каждом шагу может встретить кого-нибудь из знакомых, который увидит, куда она идет; что швейцар, отворяя ей дверь, как-то двусмысленно или почти с презрением взглядывал на нее; что молодые официанты, стоящие в коридоре, при проходе ее именно о ней и перешептывались.

– Непременно скажи, прошу тебя о том! – восклицала Елизавета Петровна почти умоляющим голосом. – Или вот что мы лучше сделаем! – прибавила она потом, как бы сообразив нечто. – Чтобы мне никак вам не мешать, ты возьми мою спальную: у тебя будет зала, гостиная и спальная, а я возьму комнаты за коридором, так мы и будем жить на двух разных половинах.

– Хорошо, мне все равно! – отвечала Елена, сначала и не понявшая, для чего мать это затевает.

Елизавету же Петровну, как видно, сильно заняло ее новое предположение, так что, выйдя из-за стола, она, не теряя ни минуты, позвала Марфушу и дворника и заставила их вещи свои перетаскивать в комнату Елены, а вещи Елены – в свою комнату, и при этом последнюю заметно старалась убрать как можно наряднее; для этой цели Елизавета Петровна оставила в этой комнате свой ковер, свой ломберный стол и на нем вазы с восковыми цветами.

Елена все это время полулежала в гостиной на диване: у нее страшно болела голова и на душе было очень скверно. Несмотря на гнев свой против князя, она начинала невыносимо желать увидеть его поскорей, но как это сделать: написать ему письмо и звать его, чтобы он пришел к ней, это прямо значило унижить свое самолюбие, и, кроме того, куда адресовать письмо? В дом к князю Елена не решалась, так как письмо ее могло попасться в руки княгини; надписать его в Роше-де-Канкаль, – но придет ли еще туда князь?

Тот, впрочем, без всякого зову сам не заставил себя долго дожидаться. Елизавета Петровна едва только успела покончить свои хлопоты по поводу убранства нового помещения Елены, как раздался довольно сильный звонок.

Елена при этом сейчас же привстала на диване; Марфуша бросилась отворять дверь; г-жа Жиглинская тоже, будто бы случайно, выставилась в переднюю.

Это, как и ожидали все, приехал князь.

– Дома Елена Николаевна? – спросил он.

– Дома, пожалуйста! – ответила за Марфушу Елизавета Петровна.

Князь вошел.

– Благодарю! – сказала, проворно и почти насильно схватив его руку, Елизавета Петровна. – Я Елене не говорила, и вы не говорите, – прибавила она почти шепотом.

– Зачем же говорить ей! – произнес князь и поспешил уйти от Елизаветы Петровны.

– Вы больны? – сказал он обеспокоенным голосом, входя в гостиную к Елене и протягивая ей руку.

– Больна! – отвечала ему та довольно сухо.

– Но чем же?

– Голова болит! – говорила Елена. Намерение ее разбранить князя, при одном виде его, окончательно в ней пропало, и она даже не помнила хорошенько, в каких именно выражениях хотела ему объяснить поступок его. Князь, в свою очередь, тоже, кажется, немножко предчувствовал, что его будут бранить. Вошедшая, впрочем, Марфуша прервала на несколько минут их начавшийся разговор.

– Маменька приказала вам сказать, – обратилась она к Елене, – что они со мной сейчас уезжают к Иверской молебен служить, а потом к Каменному мосту в бани-с.

Князь при этом не удержался и улыбнулся, а Елена сконфузилась.

– Как ты, однако, глупа, Марфуша! – проговорила она.

При этом Марфа уже покраснела и сейчас же скрылась, а через несколько минут действительно Елизавета Петровна, как это видно было из окон, уехала с ней на лихаче-извозчике. Дочь таким образом она оставила совершенно с глазу на глаз с князем.

– Ну, подите сюда и сядьте около меня! – сказала ему Елена.

Князь подошел и сел около нее.

Елена положила ему голову на плечо.

– Что, много извоили с супругой вашей вчера любезничать? – спросила она его насмешливо.

– Напротив-с, очень мало! – отвечал он ей тоже насмешливо.

– Я думаю!.. – воскликнула Елена. – Ах, какой, однако, ты гадкий человек – ужас! – прибавила она, протягивая свои красивые ноги по дивану.

– Но чем же, однако, позвольте вас спросить? – сказал князь, все еще желавший и продолжавший отшучиваться.

– А тем, что... ну, решился провести этот день с женой. И скажи прямо, серьезно, как вон русские самодуры говорят: «Хочу, мол, так и сделаю, а ты моему нраву не препятствуй!». Досадно бы, конечно, было, но я бы покорилась; а то приехал, сначала хитрить стал, а потом, когда отпустили, так обрадовался, как школьник, и убежал.

– Ты в самом деле меня за какую-то дрянь совершенную считаешь... – проговорил князь уже не совсем довольным голосом.

– Да ты дрянь и есть! – подхватила Елена и сама при этом, как бы не удержавшись, взглянула ему с нежностью в лицо.

– Так вот же тебе за это по русскому самодурству, если оно так тебе нравится! – сказал князь и слегка приложил свою руку к щечке Елены.

Она схватила его руку и начала ее целовать, целовать!

– Милый мой, ангел мой, я ужасно тебя люблю! – шептала она.

– А я разве меньше тебя люблю? – шептал тоже князь, целуя ее в лицо.

– Меньше!.. Постой, однако, – проговорила Елена, приподнимаясь с дивана, – мне что-то тут нехорошо, – прибавила она, показывая на горло. – Ужасно какой противный вкус во рту.

– Но ты не скушала ли чего-нибудь?

– Нет, у меня с неделю это чувство... Какое-то отвращение почти от всякой пищи!

– Может быть, это симптомы чего-нибудь? – спросил князь.

– Может быть!.. Но, друг мой, – продолжала Елена каким-то капризным голосом, – мне хочется жить нынче летом на даче в Останкине. Я, помню, там в детстве жила: эти леса, пруды, дорога в Медведково!.. Ужасно как было весело! Я хочу и нынешнее лето весело прожить.

– Что ж, и отлично! – подхватил князь.

– А ты будешь ли ко мне каждый день ездить? – спросила Елена.

– Я и сам там найму, чем мне ездить, – отвечал князь.

– Скажите, пожалуйста!.. Но вы забыли, как княгиня еще позволит вам это.

– Я княгиню и спрашивать не буду, а скажу ей только, что мы переедем туда.

– Ах, какой ты здесь храбрый, ужасно какой храбрый! – воскликнула Елена.

Князю заметно уж стало и не нравится такое подсмеиванье над ним.

– Ревность никак не высокое чувство и извинительна только самым необразованным людям! – проговорил он, нахмуривая лоб.

– Я это знаю очень хорошо! – возразила Елена. – Но она в таком только случае не извинительна, когда кто прямо говорит: «Я вас не люблю, а люблю другую!», а если говорят напротив...

– А если говорят напротив, так так, значит, и есть! – перебил ее резко князь. – И чем нам, – прибавил он с усмешкою, – предаваться бесполезным словопрениям, не лучше ли теперь же ехать в Останкино и нанять там дачи?

– Ах, я очень рада! – воскликнула Елена в самом деле радостным голосом.

– Ну, так поедemте; время откладывать нечего.

– Сию минуту, только приоденусь немного, – отвечала Елена и ушла.

Князь, оставшись один, погрузился в размышления. Его смутили слова Елены о постигающих ее припадках: что, если эти припадки подтвердятся? Страх и радость наполнили при этой мысли сердце князя: ему в первый раз еще предстояло это счастье; но как встретить это событие, как провести его потом в жизни? Когда Елена вошла в шляпке и бурнuse, он все еще продолжал сидеть, понунив голову, так что она принуждена была дотронуться веером до его плеча.

– Я готова! – проговорила она.

– Едемте-с! – сказал князь, и через несколько времени они уже катили в его карете по дороге к Останкину.

Елена сидела, прижавшись в угол экипажа.

– Как бы я желала, чтобы карета эта далеко-далеко и навсегда увезла нас из Москвы! – сказала она.

– Да, недурно бы это было! – согласился и князь, сохраняя свой задумчивый и рассеянный вид; его все еще не оставляла мысль о припадках Елены. В Останкине они прежде всего проехали в слободку и наняли там очень хорошенькую дачку для Елены. Князь хотел было сразу же отдать хозяину все деньги.

– Не смейте этого делать! – крикнула на него по-французски Елена и подала хозяину дачи из своего кошелька двадцать пять рублей серебром.

– Но почему же?.. – спросил ее князь тоже по-французски, опять нахмуривая лоб.

– А потому, – отвечала Елена, – что жена ваша и без того, вероятно, думает, что я разоряю вас...

Лицо князя приняло еще более сердитое выражение.

– Ядовито сказано, хоть несправедливо совершенно, – произнес он.

Из слободки князь и Елена прошли через сад к главному дворцу; здесь князь вызвал к себе смотрителя дома; оказалось, что это был какой-то старый лакей. Прежде всего князь назвал ему фамилию свою; лакей при этом сейчас же снял шапку.

– Что, ваши флигеля свободны? – спросил князь.

– Свободны-с! – отвечал лакей.

– Ну, так скажите вашему управляющему, что оба эти флигеля я оставляю за собой на лето и чтобы он прислал мне записку, что они за мной.

– Слушаю-с! – отвечал ему лакей почтительно.

Покуда происходили все эти нанимания, солнце почти село, и на дворе становилось довольно свежо.

– Я начинаю, однако, зябнуть, – проговорила Елена.

– Поедьте скорее домой, – сказал с заботливостью князь, подсаживая ее в карету, где она не преминула спросить его: зачем он, собственно, нанял два флигеля?

– Затем, что в одном будет жить княгиня, а в другом я, – отвечал флегматически князь.

Елена на это ничего не сказала, но только удовольствие, видимо, отразилось в ее подвижном лице.

При обратном пути кучер поехал несколько другой дорогой, и, таким образом, пришлось проезжать мимо дома Анны Юрьевны. Было всего еще девять часов.

– Заедемте к вашей начальнице! – сказал князь Елене.

– Э, нет! Я всегда терпеть не могла бывать у всех моих начальниц, – отвечала Елена.

– Это не такая начальница; я вас сблизю несколько с нею. Пожалуйста, заедемте! – уговаривал князь.

Ему, по преимуществу, хотелось посмотреть, как Анна Юрьевна примет Елену после того, как узнала она тайну ее отношения к нему.

– Хорошо, заедем, если тебе так уж этого хочется, – согласилась Елена.

– Я только предупредю ее о вас, – сказал князь, войдя с Еленой в залу Анны Юрьевны и уходя вперед ее в кабинет к той.

– Я к вам, кузина, заехал с mademoiselle Жиглинской! – сказал он.

– Ах, очень рада! – отвечала Анна Юрьевна каким-то странным голосом.

Анна Юрьевна вовсе не считала любовь чем-нибудь нехорошим или преступным, но все-таки этот заезд к ней кузена со своей любовницей, которая была подчиненною Анны Юрьевны, показался ей несколько странным и не совсем приличным с его стороны, и потому, как она ни старалась скрыть это чувство, но оно выразилось в ее голосе и во всех манерах ее.

– Пожалуйте сюда, mademoiselle Helene! – крикнула она, услышав, что та в зале дожидается.

Елена вошла. Она заметно конфузилась несколько.

– Vous etes bien aimable⁴⁶, что заехали ко мне, – продолжала Анна Юрьевна, крепко пожимая ей руку. – Прошу вперед посещать меня sans ceremonie.⁴⁷

– Но я могу помешать вашим занятиям! – возразила ей Елена.

– О, моя милая! – воскликнула Анна Юрьевна. – Зачем вы это говорите? Вы очень хорошо убеждены, что я решительно ничего не делаю, как только сплю и ем.

– Нет, я в этом не убеждена, – отвечала ей серьезно Елена.

– А мы с mademoiselle Еленой ездили дачу нанимать в Останкино, – вмешался в разговор князь. – Она наняла дачку для себя, а я для себя!

– Вот как! – произнесла Анна Юрьевна. – Это, однако, дает и мне мысль нанять дачу, только не в Останкине, а по соседству около него, в Свиблове! Иван Иванович! – крикнула затем Анна Юрьевна, звоня в то же время в колокольчик.

На этот зов вошел ее главный дворецкий.

– Съездите, мой милый, завтра в Свиблово и наймите мне там дачку. Помещение для меня какое хотите, – мне все равно, но главное, чтобы конюшни были хорошие и сараи.

Иван Иванович поклонился ей на это и опять ушел к себе.

– Я там поселюсь, – начала Анна Юрьевна, обращаясь к гостям своим, – и буду кататься по свибловским полям на моих милых конях, или, как князь называет их, моих бешеных львах, – чудесно!

Анна Юрьевна страстно любила лошадей и, в самом деле, ездила почти на львах.

– Ну, эти львы ваши, кузина, вам сломят когда-нибудь голову, – заметил ей князь.

– Ах, мой милый!.. Ils feront tres bien!⁴⁸ – отвечала, слегка вздохнув, Анна Юрьевна. – Я так часто в жизни моей близка была сломать себе голову, но не успела только, так пусть же они мне помогут в этом... Ваши занятия в конце мая совершенно окончатся? – отнеслась она затем к Елене, как бы чувствуя необходимость ее немножко приласкать.

– Да! – отвечала та ей сухо.

Она очень хорошо видела, что Анна Юрьевна, говоря с ней, почти насилует себя. Досада забушевала в сердце Елены против Анны Юрьевны, и, в отместку ей, она решилась, в присутствии ее, посмеяться над русской аристократией.

– Мне очень бы желалось знать, – начала она, – что пресловутая Наталья Долгорукова⁴⁹ из этого самого рода Шереметевых, которым принадлежит теперь Останкино?

– Из этого! – отвечала Анна Юрьевна с несколько надменным видом. – Не правда ли, que c'est un etre tres poetique?.. L'ideal des femmes russes!⁵⁰

Елена сделала гримасу.

– По-моему, она очень, должно быть, недалеко была, – проговорила Елена.

Анна Юрьевна взглянула на нее вопросительно.

– Потому что, – продолжала Елена, – каким же образом можно было до такой степени полюбить господина Долгорукова, человека весьма дурных качеств и свойств, как говорит нам история, да и вообще кого из русских князей стоит так полюбить?

– Князь! Remerciez pour ce compliment; inclinez vous!⁵¹ – воскликнула Анна Юрьевна к князю.

⁴⁶ Вы очень любезны (франц.).

⁴⁷ без церемоний, запросто (франц.).

⁴⁸ Они сделают очень хорошо!.. (франц.).

⁴⁹ Наталья Долгорукая (1714—1771) – княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала графа Б.П.Шереметева. Последовала за мужем И.А.Долгоруковым в ссылку. Написала «Записки» о своей жизни. Судьба ее стала темой поэмы И.И.Козлова, «Дум» К.Ф.Рылеева и других произведений.

⁵⁰ что это очень поэтичное существо?.. Идеал русских женщин! (франц.).

⁵¹ Благодарите за такой комплимент; кланяйтесь! (франц.).

– Я потому и позволяю себе говорить это в присутствии князя, – подхватила Елена, – что он в этом случае совершенно исключение: в нем, сколько я знаю его, ничего нет княжеского. А шутки в сторону, – продолжала она как бы более серьезным тоном, – скажите мне, был ли из русских князей хоть один настоящим образом великий человек, великий полководец, великий поэт, ученый, великий критик, публицист?.. Везде они являются дилетантами, играют какую-то второстепенную роль. Суворов был не князь; Пушкин, несмотря на свои смешные аристократические замашки, тоже не князь, Ломоносов не князь, Белинский не князь, Чернышевский и Добролюбов тоже не князья!

– Ну, а князь Пожарский⁵², например?.. – перебила ее Анна Юрьевна, слушавшая весьма внимательно все эти слова ее.

Елена при этом мило пожала плечами своими.

– По-моему-с, он только человек счастливой случайности, – сказала она. – И кто в это действительно серьезное для России время больше действовал: он или Минин – история еще не решила.

– Пожарский что? – заметил и князь. – Вот Долгорукий, князь Яков Долгорукий⁵³ – то другое дело, это был человек настоящий!

– Это тот, который царские указы рвал?.. Но разве одна грубость и дерзость дают право на звание великого человека? – возразила ему Елена.

– Но кроме там вашего князя Якова Долгорукова мало ли было государственных людей из князей? – воскликнула Анна Юрьевна. – Сколько я сама знала за границей отличнейших дипломатов и посланников из русских князей!..

– О, если вы таких людей разумеете великими, то, конечно, их всегда было, есть и будет очень много, – проговорила Елена.

– Но каких же вы-то разумеете великими людьми? – спросила ее Анна Юрьевна уже с некоторою запальчивостью.

– Я разумею великим человеком только того, – отвечала Елена, – кто создал что-нибудь новое, избрал какой-нибудь новый путь, неизвестный, по крайней мере, в его народе; а кто идет только искусно по старым дорожкам – это, пожалуй, люди умные... ловкие в жизни...

– Но как же в жизни различить, кто идет по новым путям или по старым? – воскликнула Анна Юрьевна. – *La vie n'est pas un champ*⁵⁴, где видно, что есть дорога или нет... Вы говорите, моя милая, какую-то утопию!

– Почему же я говорю утопию? – спросила Елена удивленным голосом: ее больше всего поразило то, с какой это стати и в каком значении употребила тут Анна Юрьевна слово «утопия».

– Решительную утопию! – повторила та настойчиво с своей стороны.

Анна Юрьевна простодушно полагала, что утопиею называется всякая ложь, всякий вздор.

– Ну, однако, поедemте, пора! – сказал вдруг князь, вставая и обращаясь к Елене.

Он, кажется, несколько опасался, чтобы разговор между дамами не достигнул еще до больших резкостей.

– Пора! – отозвалась с удовольствием и Елена.

Анна Юрьевна, несмотря на происшедший спор, постаралась проститься с Еленой как можно радушнее, а князя, когда он пошел было за Еленой, приостановила на минуту.

– Посмотри, как ты девочку изнурил: ее узнать нельзя, – проговорила она ему шепотом.

⁵² Пожарский – князь Дмитрий Михайлович (ок. 1578 – ок. 1642), один из вождей освободительного движения русского народа против польской и шведской интервенции.

⁵³ Долгорукий, Яков Федорович (1659—1720) – князь, государственный деятель, один из ближайших сподвижников Петра I; был известен бескорыстием и смелостью.

⁵⁴ Жизнь не поле (франц.).

– Подите вы, изнурил!.. – отвечал ей со смехом князь.

– Непременно изнурил!.. Она, впрочем, преумненькая, но предерзкая, должно быть...

– Есть это отчасти! – отвечал князь, еще раз пожимая руку кузины и уходя от нее.

Когда он завез Елену домой, то Елизавета Петровна, уже возвратившаяся и приведшая себя в порядок, начала его убедительно упрашивать, чтобы он остался у них отужинать. Князь согласился. Елена за ужином ничего не ела.

– Вы, кажется, хотите голодом себя уморить? – заметил ей князь.

– Все противно! – отвечала ему Елена.

Елизавета Петровна при этом ответе дочери внимательно посмотрела на нее.

VII

В самый день переезда Григоровых на дачу их постигнул траур; получена была телеграмма, что скоропостижно скончался Михайло Борисович Бахтулов. Князю Григорову непременно бы следовало ехать на похороны к дяде; но он не поехал, отговорившись перед женой тем, что он считает нечестным скакать хоронить того человека, которого он всегда ненавидел: в сущности же князь не ехал потому, что на несколько дней даже не в состоянии был расстаться с Еленой, овладевшей решительно всем существом его и тоже переехавшей вместе с матерью на дачу.

В Петербурге смерть Михайла Борисовича, не говоря уже о Марье Васильевне, с которой с самой сделался от испуга удар, разумеется, больше всех поразила барона Мингера. Барон мало того, что в Михайле Борисовиче потерял искреннейшим образом расположенного к нему начальника, но, что ужаснее всего для него было, – на место Бахтулова назначен был именно тот свирепый генерал, которого мы видели у Бахтулова и который на первом же приеме своего ведомства объяснил, что он в подчиненных своих желает видеть работников, тружеников, а не друзей. Барон, насчет которого были прямо сказаны эти слова, только слегка побледнел, и затем генерал при каждом докладе его стал придирается ко всевозможным пустым промахам и резко выговаривать за них. Барон молча выслушивал все это и в душе решился сначала уехать в четырехмесячный отпуск, а потом, с наступлением осени, хлопотать о переходе на какое-нибудь другое место. В один день, наконец, он высказал генералу свою просьбу об отпуске.

– Вы едете за границу? – спросил его тот насмешливо.

– Нет-с, в Москву! – отвечал ему барон.

– Отчего же не за границу? – повторил генерал опять насмешливо.

– Я не имею средств на то, – отвечал барон, гордо выпрямляясь перед ним.

– Я могу испросить вам пособие, – произнес генерал уже серьезно.

– Я не болен и не имею права на пособие, – проговорил барон тем же гордым тоном.

Он не хотел от этого дикого сатрапа⁵⁵ принимать никакого одолжения.

Генерал затем, весьма равнодушно написав на его докладной записке: «Уволить!», – возвратил ее барону, который, в свою очередь, холодно с ним раскланялся и удалился.

На другой день после этого объяснения, барон написал к князю Григорову письмо, в котором, между прочим, излагал, что, потеряв так много в жизни со смертью своего благодетеля, он хочет отдохнуть душой в Москве, а поэтому спрашивает у князя еще раз позволения приехать к ним погостить. «Этот Петербург, товарищи мои по службе, даже комнаты и мебель, словом, все, что напоминает мне моего богоподобного Михайла Борисовича, все это еще более раскрывает раны сердца моего», – заключал барон свое письмо, на которое князь в тот же день послал ему телеграфическую депешу, которою уведомлял барона, что он ждет его с распростертыми объятиями и что для него уже готово помещение, именно в том самом флигеле, где и князь жил. Барон после того не замедлил прибыть в Москву и прямо с железной дороги в извозничьей карете, битком набитой его чемоданами, проехал в Останкино.

Самого князя не было в это время дома, но камердинер его показал барону приготовленное для него помещение, которым тот остался очень доволен: оно выходило в сад; перед глазами было много зелени, цветов. Часа в два, наконец, явился князь домой; услышав о приезде гостя, он прямо прошел к нему. Барон перед тем только разложился с своим измявшимся от дороги гардеробом. Войдя к нему, князь не утерпел и ахнул. Он увидел по крайней мере до сорока цветных штанов барона.

– Зачем у вас такая пропасть этой дряни? – воскликнул он.

⁵⁵ Сатрап – в древней Персии наместник провинции; пользовался неограниченной властью.

– Цветных брюк надобно иметь или много, или ни одних, а то они очень приглядываются! – отвечал барон с улыбкою и крепко целуясь с другом своим.

– Княгиню видели? – спросил князь.

– Нет еще! – отвечал барон.

– Ну, так пойдемте к ней.

– Позвольте мне несколько привести себя в порядок, – отвечал барон.

– Будем ждать вас! – сказал князь и ушел к жене.

Ему поскорее хотелось видеть ее, потому что княгиня, как он успел подметить, не совсем большое удовольствие изъясвила, услышав, что барон собрался, наконец, и едет к ним гостить. Князь застал ее в зале играющею на рояле. Звуки сильные, энергические, исполненные глубокой тоски, вылетали из-под ее беленьких пальчиков. Княгиня в последнее время только и развлечение находила себе, что в музыке. Князь некоторое время простоял на балконе, как бы не решаясь и совестясь прервать игру жены. Невольное чувство совести говорило в нем, что эти сильные и гневные звуки были вызваны из кроткой души княгини им и его поведением; наконец, он вошел, княгиня сейчас же перестала играть. Она никогда больше при муже не играла и вообще последнее время держала себя в отношении его в каком-то официально-покорном положении, что князь очень хорошо замечал и в глубине души своей мучился этим.

– Барон приехал! – сказал он как можно более приветливым голосом.

– Слышала это я, – отвечала княгиня холодно.

«Опять этот холод и лед!» – подумал про себя князь. Обедать этот раз он предположил дома и даже весь остальной день мог посвятить своему приехавшему другу, так как Елена уехала до самого вечера в Москву, чтобы заказать себе там летний и более скрывающий ее положение костюм.

Часа в три, наконец, барон явился к княгине в безукоризненно модной жакетке, в щегольской соломенной летней шляпе, с дорогой тросточкой в руке и, по современной моде, в ярко-зеленых перчатках.

– Я привез вам поклон от вашего папа, мама, сестриц, – говорил он, подходя и с чувством пожимая руку княгини. – Все они очень огорчены, что вы пишете им об нездоровье вашем; и вы действительно ужасно как похудели!.. – прибавил он, всматриваясь в лицо княгини.

– Стареюсь, и от скуки, вероятно, – отвечала княгиня.

– А вы в Москве скучаете? – спросил барон.

– Ужасно!.. Препротивный город!.. – почти воскликнула княгиня.

Князь при этом разговоре сидел молча. Он догадывался, что жена всеми этими словами в его огород кидает камушки.

На даче Григоровы обедали ранее обыкновенного и потому вскоре затем пошли и сели за стол.

– Как чувствует себя бедная Марья Васильевна? – спросила княгиня барона.

– Ах, боже мой! Виноват, и забыл совсем! Она прислала вам письмо, – проговорил тот, вынимая из бумажника письмо и подавая его князю, который с недовольным видом начал читать его.

– Марья Васильевна поручила мне умолять князя, чтобы он хоть на несколько дней приехал к ней в Петербург, – объяснил барон княгине.

– Я и сама думаю, что ему надобно съездить, – проговорила та.

– Ты думаешь, а я не думаю! – произнес сердито князь, кидая письмо на стол. – Черт знает, какая-то там полоумная старуха – и поезжай к ней!.. Что я для нее могу сделать? Ничего! – говорил он, явно вспыхив.

– Утешил бы ее тем, что она увидит тебя, больше ничего, – подхватила княгиня.

– Если ей так хочется видеть меня, так пусть сама сюда едет, – сказал тем же досадливым голосом князь.

– Как же самой ей ехать! – возразила княгиня.

– Она тронуться с постели теперь не может! – поддержал ее барон.

– Ну, когда не может, так и сиди там себе! – сказал князь резко, и вместе с тем очень ясно было видно, до какой степени он сам хорошо сознавал, что ему следовало съездить к старушке, и даже желал того, но все-таки не мог этого сделать по известной уже нам причине.

Княгиня на последние слова его ничего не сказала; барон тоже. Он, кажется, начинал немножко догадываться, что между супругами что-то неладное происходит.

После обеда князь пригласил барона перейти опять в их мужской флигель. Барон при этом взглянул мельком на княгиню, сидевшую с опущенными в землю глазами, и покорно последовал за князем.

Княгиня, оставшись одна, опять села за рояль и начала играть; выбранная на этот раз ею пьеса была не такая уже грустная и гневная, а скорее сентиментальная. Видимо, что играющая была в каком-то более мечтающем и что-то вспоминающем настроении.

Князь между тем велел подать во флигель шампанского и льду и заметно хотел побеседовать с приятелем по душе. Приглашая так быстро и радушно барона приехать к ним, князь делал это отчасти и с эгоистической целью: он был в таком страстном фазисе любви своей, у него так много по этому поводу накопилось мыслей, чувств, что он жаждал и задыхался от желания хоть с кем-нибудь всем этим поделиться. Барон для этого казался ему удобнее всех. Во-первых, он был старый его приятель, во-вторых, заметно любил и уважал его и, наконец, был скромен, как рыба. Князь совершенно был убежден, что барон, чисто по своей чиновничьей привычке, никогда и никому звука не скажет из того, что услышит от него. Когда стакана по два, по три было выпито и барон уже покраснел в лице, а князь еще и больше его, то сей последний, развалясь на диване, начал как бы совершенно равнодушным голосом:

– Я хочу вам, мой милый Эдуард, открыть тайну, в отношении которой прошу прежде всего вашей скромности, а потом, может быть, и некоторого совета по случаю оной.

– За первое ручаюсь, а за второе, не знаю, сумею ли, – отвечал барон.

– Сумеете, потому что в этом случае вам подскажет ваша дружба и беспристрастие ко мне.

– О, если так, то конечно! – подхватил барон.

Сделав такого рода предисловие, князь перешел затем прямо к делу.

– У меня тут в некотором роде роман затеялся! – начал он как-то не вдруг и постукивая нервно ногою.

– Роман? С кем же это? – спросил барон.

– С девушкой одной и очень хорошей!.. – отвечал князь, окончательно краснея в лице.

– С девушкой даже? – повторил барон. – Но как же княгиня на это смотрит? – прибавил он.

– Княгиня пока ничего, – отвечал князь, держа голову потупленную, и хоть не смотрел в это время приятелю в лицо, но очень хорошо чувствовал, что оно имеет не совсем одобрительное выражение для него.

– Вы лучше других знаете, – продолжал князь, как бы желая оправдаться перед бароном, – что женитьба моя была решительно поступок сумасшедшего мальчишки, который не знает, зачем он женится и на ком женится.

Барон молчал.

– К счастью, как и вы, вероятно, согласитесь, – разъяснял князь, – из княгини вышла женщина превосходная; я признаю в ней самые высокие нравственные качества; ее счастье, ее спокойствие, ее здоровье дороже для меня собственного; но в то же время, как жену, как женщину, я не люблю ее больше...

Барон при этом гордо поднял голову и вопросительно взглянул на приятеля.

– Но за что же именно вы разлюбили ее? – спросил он его.

– И сам не знаю! – отвечал князь; о причинах, побудивших его разлюбить жену, он не хотел открывать барону, опасаясь этим скомпрометировать некоторым образом княгиню.

– Ну, так как вы, мой милый Эдуард Федорович, – заключил он, – полагаете: виноват я или нет, разлюбя, совершенно против моей воли, жену мою?

– Конечно, виноваты, потому что зачем вы женились, не узнав хорошенько девушки, – отвечал барон.

– Совершенно согласен, но в таковой мере виновата и княгиня: зачем она шла замуж, не узнав хорошенько человека?

– Но княгиня, однако, не разлюбила вас?

– А я-то чем виноват, что разлюбил ее? – спросил князь.

– Тем, что позволили себе разлюбить ее, – отвечал барон, сделав заметное ударение на слове позволили.

Князь усмехнулся при этом.

– Вы, мой милый Эдуард, – отвечал он, – вероятно не знаете, что существует довольно распространенное мнение, по которому полагают, что даже уголовные преступления – поймите вы, уголовные! – не должны быть вменяемы в вину, а уж в деле любви всякий французский роман вам докажет, что человек ничего с собой не поделает.

– Но, однако, почему же вы спрашиваете меня: виноваты ли вы или нет? – возразил ему с усмешкою барон.

Князь подумал некоторое время: он и сам хорошенько не давал себе отчета, зачем он спрашивает о подобных вещах барона.

– Очень просто-с! – начал он, придумав, наконец, объяснение. – В каждом человеке такая пропасть понятий рациональных и предрассудочных, что он иногда и сам не разберет в себе, которое в нем понятие предрассудочное и которое настоящее, и вот ради чего я и желал бы слышать ваше мнение, что так называемая верность брачная – понятие предрассудочное, или настоящее, рациональное?

– По-моему, совершенно рациональное, – подтвердил барон.

– Жду доказательств от вас тому!

– Доказательством тому может служить, – отвечал барон совершенно уверенно, – то, что брак⁵⁶ есть лоно, гнездо, в котором вырастает и воспитывается будущее поколение.

– Но будущее поколение точно так же бы хорошо возрастало и воспитывалось и при контрактных отношениях между супругами без всякой верности!

– Может быть! Но в таком случае отношения между мужем и женою были бы слишком прозаичны.

– Но зато они были бы честней нынешних, и в них не было бы этой всеобщей мерзости деяний человеческих – лжи! Вы вообразите себе какого-нибудь верного, по долгу, супруга, которому вдруг жена его разонравилась, ну, положим, хоть тем, что растолстела очень, и он все-таки идет к ней, целует ее ножку, ручку, а самого его в это время претит, тошнит; согласитесь, что подобное зрелище безнравственно даже!.. И сей верный супруг, по-моему, хуже разных господ камелий, приносящих себя в жертву замоскворецким купчихам; те, по крайней мере, это делают из нужды, для добычи денег, а он зачем же? Затем, что поп ему приказал так!

Барон усмехнулся: подобная картина верного супруга и ему показалась странна и смешна.

– А что за Москвой-рекой в самом деле можно выгодно жениться на какой-нибудь богатой купеческой дочке? – спросил он вдруг.

⁵⁶ Брак. – Вопрос об отношении к браку в шестидесятые годы был одним из наиболее острых. Нигилисты (см. выше, прим. к стр. 29) подчас отрицали не только брак, но и семью, что нашло наиболее яркое выражение в революционной прокламации «Молодая Россия», выпущенной в мае 1862 года кружком П.Г.Зайчневского (1842—1896).

– Весьма. Хотите, я буду хлопотать для вас об этом?

– Сделайте одолжение! – подхватил барон шутя. – Однако вот что вы мне скажите, – прибавил он уже серьезно, – что же будет, если княгиня, так вполне оставленная вами, сама полюбит кого-нибудь другого?

– Имеет полное нравственное право на то!.. Полнейшее! – воскликнул князь.

– Ну нет, вы шутите! – произнес барон, краснея даже немножко в лице.

– Нисколько! Я даже душевно желаю того по простому чувству справедливости: я полюбил другую женщину, поэтому и княгиня, если пожелает того, может отдать свое сердце другому; желаю только в этом случае, чтобы этот другой был человек порядочный!

Барон при этом опять усмехнулся и покачал только головой.

– Я все-таки не могу верить, чтобы могли между вами существовать такие отношения, – проговорил он.

– Совершенно такие существуют! – отвечал князь, нахмуривая брови: ему было уже и досадно, зачем он открыл свою тайну барону, тем более, что, начиная разговор, князь, по преимуществу, хотел передать другу своему об Елене, о своих чувствах к ней, а вышло так, что они все говорили о княгине.

– Странно, очень странно, – сказал ему на это барон, в самом деле, как видно, удивленный тем, что слышал.

В это время из сада под окном флигеля раздался голос княгини.

– Эдуард Федорыч! – крикнула она оттуда. – Не хотите ли прогуляться со мной по Останкину?

– Ах, очень рад! – воскликнул тот и, сейчас же встав и схватив свою соломенную шляпу, пошел к княгине.

– И я с вами пойду! – подхватил князь и тоже пошел за бароном.

Княгиня, кажется, не ожидала увидеть мужа.

– А ты разве дома еще? – спросила она его.

– Дома! – отвечал князь.

– Мы в сад не пойдем; там из Москвы наехало купечество, а потому толпа ужасная! – говорила княгиня.

– А барон, напротив, стремится к замоскворецкому купечеству: партию хочет себе составить посреди их! – заметил князь.

– Партию вы хотите между купчих составить? – спросила княгиня барона как бы несколько укоризненным голосом.

– Это ваш супруг мне предлагает, – отвечал тот.

Разговаривая таким образом, они шли по дороге к Марьиной роще, и когда вышли в поле, то княгиня, которая была очень дальнорюк, начала внимательно глядеть на ехавшую им навстречу пролетку с дамой.

– Это, кажется, Елена? – спросила она мужа.

– Да, она, – произнес тот протяжно.

Он уже давно узнал Елену, возвращавшуюся из Москвы. О том, что Жиглинские будут в Останкине жить и даже переехали с ними в один день, князь до сих пор еще не говорил жене.

– Она, вероятно, к нам едет! – прибавила княгиня.

– Не думаю, скорее домой! – возразил князь.

– Стало быть, она здесь живет? – произнесла княгиня, устремляя на мужа внимательный взгляд.

– Здесь! – отвечал он ей почти сердито.

Елена в это время подъехала к ним очень близко. Сначала она, видимо, недоумевала – выйти ли ей из экипажа или нет; наконец, заметно пересилив себя, она сошла и прямо обратилась к княгине.

– Bonjour, princesse! – произнесла она как бы радостным голосом.

– Bonjour! – отвечала княгиня. – А вы в Останкине тоже живете? – присовокупила она после короткого молчания.

– В Останкине! – сказала Елена.

– А давно ли переехали?

– Недели две.

Княгиня сделала при этом знаменательную мину.

Князь же с своей стороны спешил познакомить Елену с бароном.

– Барон Мингер!.. Mademoiselle Жиглинская!.. – отрекомендовал он их друг другу.

Елена довольно равнодушно поклонилась барону, но тот с удовольствием оглядел ее с головы до ног; все пошло потом обратно в Останкино.

– Это именно та особа, о которой я вам говорил, – сказал негромко барону князь.

– А!.. – произнес тот.

У ворот сада дамы стали прощаться; после того разговора, который произошел у них при встрече, они не сказали между собою больше ни полслова.

– Прощайте, княгиня! – произнесла Елена как бы отдыхающим от удушья голосом.

– Прощайте, – сказала и та не без удовольствия.

– Заходите как-нибудь к нам! – сказала Елена князю, садясь на своего извозчика.

– Непременно! – отвечал тот.

Княгиня после того, ссылаясь на нездоровье, ушла к себе в дом, а мужчины прошли в свой флигель и стали играть на бильярде. Разговор об Елене и о княгине между ними не начинался более, как будто бы им обоим совестно было заговорить об этом.

VIII

После описанной нами прогулки княгиня в самом деле видно расхворалась не на шутку, потому что дня два даже не выходила из своей комнаты. В продолжение всего этого времени князь ни разу не зашел к ней; на третье утро, наконец, княгиня сама прислала к нему свою горничную.

– Княгиня приказали вас спросить, что могут они послать за Елпидифором Мартынычем? – доложила ему та.

– А разве княгине не лучше? – спросил князь как бы несколько встревоженным голосом.

– Никак нет-с, – отвечала горничная.

– Но почему же именно за Елпидифором Мартынычем? – произнес князь и пошел к жене.

Княгиню застал он неодетою, с дурным цветом лица, с красными и как бы заплаканными глазами.

– Чем вы больны? – спросил он ее, хотя и догадывался о причине ее болезни.

– И сама хорошенько не знаю! – отвечала княгиня, стараясь не глядеть на мужа.

– Но что за сумасшествие посылать за болваном Иллионским, – возразил он.

– Потому что я ему больше других докторов верю, – отвечала княгиня холодно и равнодушно.

– Но я-то ему не верю и не могу позволить ему лечить тебя! – проговорил резко князь.

Княгиня слегка пожала плечами.

– В таком случае я останусь без доктора, – произнесла она.

Ответ этот, видимо, взбесил князя, но он сдержал себя.

– Зачем же вы в таком случае спрашивали меня? Посылайте, за кем хотите! – произнес он и затем, повернувшись на каблуках своих, проворно ушел к себе: князь полагал, что княгиня всю эту болезнь и желание свое непременно лечиться у Елпидифора Мартыныча нарочно выдумала, чтобы только помучить его за Елену.

Княгиня действительно послала за Елпидифором Мартынычем не столько по болезни своей, сколько по другой причине: в начале нашего рассказа она думала, что князь идеально был влюблен в Елену, и совершенно была уверена, что со временем ему наскучит подобное ухаживание; постоянные же отлучки мужа из дому княгиня объясняла тем, что он в самом деле, может быть, участвует в какой-нибудь компании и, пожалуй, даже часто бывает у Жиглинских, где они, вероятно, читают вместе с Еленой книги, философствуют о разных возвышенных предметах, но никак не больше того. Когда князь сказал княгине, что они переедут на дачу в Останкино, то она была очень рада тому. Ей казалось, что он тогда, по необходимости, будет больше бывать дома и не станет каждый день скакать в Москву для свидания с предметом своей страсти, а таким образом мало-помалу и забудет Елену; но, по переезде на дачу, князь продолжал не бывать дома, – это уже начинало княгиню удивлять и беспокоить, и тут вдруг она узнает, что Елена не только что не в Москве, но даже у них под боком живет: явно, что князь просто возит ее за собой.

Разузнать обо всем этом и подробно выведать княгиня могла через одного только Елпидифора Мартыныча, в преданность которого она верила и наперед почти была убеждена, что он все уже и знает. Получив от княгини приглашение посетить ее больную, Елпидифор Мартыныч сейчас же воспылил гордостью.

– Митька, лошадей! – крикнул он как-то грозно своему лакею, и, когда кони его (пара старых саврасых вятков) были поданы, он гордо сел в свою пролетку, гордо смотрел, проезжая всю Сретенку и Мещанскую, и, выехав в поле, где взору его открылся весь небосклон, он, прищурившись, конечно, но взглянул даже гордо на солнце и, подъезжая к самому Останкину, так громко кашлянул, что сидевшие на деревьях в ближайшей роще вороны при этом громоподоб-

ном звуке вспорхнули целой стаей и от страха улетели вдаль. У Григоровых Елпидифор Мартыныч решился на этот раз повести себя немножко сурово и сердито, желая дать им понять, что его нельзя так третировать: то поди вон, то пожалуй к нам, – и на первых порах выдержал эту роль; попав сначала случайно в мужской флигель и не найдя там никого, кроме лакея, он строго спросил его:

– Где больная?

Лакей при этом выпучил на него глаза.

– Какая больная-с? – сказал он ему.

– Княгиня! – крикнул уж на него доктор.

– Ах, пожалуйста-с, они в том большом флигеле, – произнес лакей и повел Елпидифора Мартыныча через сад, где тот снова гордо взглянул на цветы, гордо вдохнул в себя запах резеды; но войдя к княгине, мгновенно утратил свой надменный вид и принял позу смиренной и ласкающей овечки.

– Это что вы делаете?.. Хвораете?.. А?.. Не стыдно ли вам! – говорил он, целуя белую ручку княгини, и потом, сколь возможно стараясь потише, откашлянулся: – К-ха!.. Ну-с, где же и что же у вас болит? – продолжал он, принимаясь, по обыкновению, щупать пульс.

– У меня желчь, должно быть; во рту очень горько, – проговорила княгиня.

– Тут, значит, есть боль, – присовокупил Елпидифор Мартыныч, ткнув довольно сильно княгiniu пальцем в правый желудочный бок.

Та при этом невольно покраснела.

– Есть маленькая боль, – отвечала она.

– А тут, в сердчишке, ничего не болит? – пошутил Елпидифор Мартыныч, показывая на левый грудной бок княгини.

– А тут очень болит! – сказала она, в свою очередь, с горькою улыбкой.

– Знаем-с, знаем! Ну, язычок покажите!

Зачем Елпидифор Мартыныч требовал, чтобы княгиня язык ему показала, он и сам хорошенько не понимал, но когда та показала ему один только кончик языка, то он почти прикрикнул на нее.

– Больше, больше высуньте!

Бедная княгиня почти до слез на глазах высунула ему язык.

– Ну, язык так себе, ничего! – произнес Елпидифор Мартыныч и сел писать рецепт. Прежде всего он затребовал приличное количество миндальной эмульсин, а потом выписал для успокоения нервов лавровишневых капель и на всякий случай, авось чему-нибудь поможет, нукс-вомика⁵⁷; затем, для приятного вкуса и против желчи, положил лимонного сиропа; кроме того, прописал невиннейший по содержанию, но огромной величины пластырь на печень и, сказав, как нужно все это употреблять, уселся против княгини.

– На дачку вот приехали; хорошо это, очень хорошо!

Княгиня молчала.

– Князя я не увижу, конечно, – продолжал Елпидифор Мартыныч, – его, может, дома нет, да и не любит ведь он меня.

– Он, кажется, куда-то ушел, – отвечала не прямо княгиня.

Она все обдумывала, как бы ей поскорее начать с Елпидифором Мартынычем тот разговор, который ей хотелось, и никак не могла придумать; но Елпидифор Мартыныч сам помог ей в этом случае: он, как врач, может быть, и непрозорлив был, но как человек – далеко видел!

– Барышня-то эта, Жиглинская, которую я видел у вас, здесь же живет, в Останкине? – ударил он прямо куда нужно.

⁵⁷ Нукс-вомик – чилибуха, южное растение, из семян которого изготавливают стрихнин и бруцин.

– Д-да... – протянула ему в ответ княгиня. – А что, скажите, вы ее знаете хорошо? – прибавила она, помолчав немного.

– Знаю хорошо-с, особенно старуху-мать.

– Что же это за госпожа?

– Госпожа такая, что дама... благородного звания... – отвечал Елпидифор Мартыныч с ударением. – Смолodu красавица была!.. Ах, какая красавица! – прибавил он и закрыл даже при этом глаза, как бы желая себе яснее вообразить Елизавету Петровну в ее молодости.

– Что же, она замужняя была? – спрашивала княгиня.

– Как же-с!.. Сначала замужем была, ну, а потом и без замужества жила с одним господином как бы в замужестве. Более всегда телесною красотой блистала, чем душевной!

Для Елпидифора Мартыныча было ясно, как день, что он мог или даже должен был бранить Жиглинских перед княгиней.

– Но, вероятно, и дочь у ней такая же? – прибавила княгиня; у ней губы даже при этом дрожали.

Елпидифор Мартыныч пожал плечами.

– К-ха! – откашлянулся он. – Есть пословица русская, что яблоко от дерева недалеко падает! – заключил он многозначительно.

– Но вы у них бываете? – продолжала расспрашивать княгиня.

Елпидифор Мартыныч поднял при этом свои густые брови.

– Бываю... лечу старуху иногда, – солгал он.

– А мужа моего не видали там? – проговорила княгиня, и у ней опять при этом задрожали губы.

– Нет, не видал, ни разу не заставал, – отвечал, улыбаясь, Елпидифор Мартыныч, – а сказывала старуха, что бывает у них.

– К чему же она вам сказывала это? – допрашивала княгиня.

Оскорбленная любовь и ревность сделали из нее даже искусную допросчицу.

– Да к тому... – отвечал Елпидифор Мартыныч протяжно и соображая (он недоумевал еще отчасти: все ли ему говорить княгине или нет), – что жаловалась на дочь.

– Но какая же связь тут, что она жаловалась на дочь и что князь бывает у них?

– А такая вот, – отвечал Елпидифор Мартыныч, кашлянув, – что князь, собственно, и бывает у них для дочери...

– Стало быть, мать против этого? – допрашивала княгиня.

– Сначала была против, – отвечал Елпидифор Мартыныч, с лукавой улыбкой, – а теперь, кажется, за.

– Но почему же прежде против, а теперь за? – спросила княгиня.

– А потому, вероятно, что деньги за то от князя стала получать!.. Нынче ведь, сударыня, весь мир на этом замешан, – пояснил ей Елпидифор Мартыныч и заметил при этом, что у княгини, против ее воли, текли уже слезы по щекам.

– Неприятно это видеть, очень неприятно, в каком бы семействе это ни происходило, – продолжал он как бы с некоторым даже чувством.

– Но что же мне теперь делать? – спросила его княгиня тихо.

– Терпеть!.. Бог терпенье любит!.. – отвечал Елпидифор Мартыныч наставническим тоном.

– Но терпеть можно, если остается еще надежда, что человек опомнится когда-нибудь и возвратится к своему долгу, а тут я ничего этого не вижу? – полуспросила княгиня.

Видимо, что она ожидала и желала, чтобы на эти слова ее Елпидифор Мартыныч сказал ей, что все это вздор, одна только шалость со стороны князя, и Елпидифор Мартыныч понимал, что это именно княгиня хотела от него услышать, но в то же время, питая желание как можно

посильнее напакостить князю, он поставил на этот раз правду превыше лести и угодливости людям.

– Да, возвращение для князя будет трудное и едва ли даже возможное, – проворил он.

– Стало быть, связь между ними очень близкая и прочная? – спросила княгиня, все более и более теряясь и волнуясь.

– Кто ж это знает? – отвечал Елпидифор Мартыныч, пожав плечами. – К-х-ха! – откашлянулся он. – Мать мне ее, когда я был у них перед отъездом их на дачу, говорила: «Что это, говорит, Леночку все тошнит, и от всякой пищи у ней отвращение?» Я молчу, конечно; мало ли человека отчего может тошнить!

– Поэтому она уж в интересном положении? – произнесла княгиня почти голосом ужаса.

– Ничего больше того не знаю, ничего-с!.. – сказал наотрез Елпидифор Мартыныч.

– Но, Елпидифор Мартыныч, вы узнайте мне это хорошенько, повернее, – продолжала княгиня тем же отчаянным голосом.

– Что тут разузнавать? – возразил было Елпидифор Мартыныч. – Время всего лучше может показать: пройдет месяца три, четыре, и скрыть это будет невозможно.

– Но я не через четыре месяца хочу это знать, а теперь же, – иначе я измучусь, умру, поймите вы!

Елпидифор Мартыныч развел руками.

– Можно, пожалуй, и теперь поразведать, – сказал он.

– Вы сейчас же отсюда и заезжайте к Жиглинским, разведайте у них, а завтра ко мне приедете и скажете, – настаивала княгиня.

– Хорошо! – согласился Елпидифор Мартыныч. – Только одного я тут, откровенно вам скажу, опасаюсь: теперь вот вы так говорите, а потом как-нибудь помиретесь с князем, разнежитесь с ним, да все ему и расскажете; и останусь я каким-то переносчиком и сплетником!

– Никогда я ему ничего не скажу и не помирюсь с ним в душе!.. – возразила княгиня.

– Ну да, не скажете! Женщина ведь вы, сударыня, и поэтому сосуд слабый и скудельный!.. – заметил ей глубокомысленно Елпидифор Мартыныч.

Когда он, наконец, отправился и княгиня осталась одна, то дала волю душившим ее в продолжение всей предыдущей сцены слезам. Елена, если только правда, что про нее говорил Елпидифор Мартыныч, казалась ей каким-то чудовищем. «Как, – рассуждала княгиня, – девушка все-таки из благородного звания, получившая образование, позволила себе войти в близкую связь с женатым человеком!» Судя по себе, княгиня даже вообразить не могла, каким образом девушка может решиться на подобную вещь. Родившись и воспитавшись в строго нравственном семействе, княгиня, по своим понятиям, была совершенно противоположна Елене: она самым искренним образом верила в бога, боялась черта и грехов, бесконечно уважала пасторов; о каких-либо протестующих и отвергающих что-либо мыслях княгиня и не слыхала в доме родительском ни от кого; из бывавших у них в гостях молодых горных офицеров тоже никто ей не говорил ничего подобного (во время девичества княгини отрицающие идеи не коснулись еще наших военных ведомств); и вдруг она вышла замуж за князя, который на другой же день их брака начал ей читать оду Пушкина о свободе⁵⁸; потом стал ей толковать о русском мужике, его высоких достоинствах; объяснял, наконец, что мир ждет социальных переворотов, что так жить нельзя, что все порядочные люди задыхаются в современных формах общества; из всего этого княгиня почти ничего не понимала настоящим образом и полагала, что князь просто фантазирует по молодости своих лет (она была почти ровесница с ним). Будь князь понастойчивей, он, может быть, успел бы втолковать ей и привить свои убеждения, или, по крайней мере, она стала бы притворяться, что разделяет их; но князь, как и с большей

⁵⁸ ...ода Пушкина о свободе – ода «Вольность», написанная в 1817 году и распространившаяся вскоре в множестве списков. Впервые напечатана А.И.Герценом в «Полярной звезде» в 1856 году.

частью молодых людей это бывает, сразу же разочаровался в своей супруге, отвернулся от нее умственно и не стал ни слова с ней говорить о том, что составляло его суть, так что с этой стороны княгиня почти не знала его и видела только, что он знакомится с какими-то странными людьми и бог знает какие иногда странные вещи говорит. В числе самых сильных нравственных желаний княгини было желание иметь детей, и она полагала, что быть матерью или отцом есть высшее счастье человека на земле. Услыхав, что ее сопернице угрожает это счастье, княгиня страшно и окончательно испугалась за самое себя; она, судя по собственным своим чувствам, твердо была убеждена, что как только родится у князя от Елены ребенок, так он весь и навсегда уйдет в эту новую семью; а потому, как ни добра она была и как ни чувствовала отвращение от всякого рода ссор и сцен, но опасность показалась ей слишком велика, так что она решилась поговорить по этому поводу с мужем серьезно. При таком душевном состоянии прописанных ей лекарств она, разумеется, не принимала и продолжала весь остальной день плакать.

Елпидифор Мартыныч между тем, как обещал княгине, так и исполнил, и направился прямо к Жиглинским. Во всех своих сплетнях, которыми сей достопочтенный врач всю жизнь свою занимался, он был как-то необыкновенно счастлив: в настоящем случае, например, Елизавета Петровна сама ждала его и почти готова была посылать за ним.

– А, сокол мой ясный! – воскликнула она, увидав его из сада подъезжающим к их даче. – Милости прошу! – повторила она, сама отворяя ему калитку.

Елпидифор Мартыныч вошел к ней и хоть с небольшим удовольствием, но поцеловал у нее руку.

– На лавочку, сюда, под тень! – говорила Елизавета Петровна и усадила Елпидифора Мартыныча рядом с собой на одну из скамеечек.

– А мне бы, глупой, давно следовало вас поблагодарить! – начала она, как бы спохватившись.

Елизавета Петровна до сих пор еще не говорила Елпидифору Мартынычу, что стала получать от князя деньги, опасаясь, что он, старый черт, себе что-нибудь запросит за то; но в настоящее время нашла нужным открыться ему.

– Ну, что тут... не стоит благодарности... – отвечал ей, в свою очередь, как-то стыдливо потупляя свои очи, Елпидифор Мартыныч. – Слова наши, значит, подействовали, – прибавил он затем с оттенком некоторой гордости.

– Подействовали отчасти, – отвечала Елизавета Петровна.

– Что же, на много ли князь распоясался? – спрашивал Елпидифор Мартыныч.

– Не на много, не ошибется!

– А на сколько, однако?

– Ну, и говорить не хочется!.. Вы, однако, как-нибудь Елене не проговоритесь, – она ничего не знает об этом.

– Зачем ей говорить! – отвечал Елпидифор Мартыныч, нахмуривая немного свои брови. – А что, она здорова? – присовокупил он каким-то странным голосом.

– То-то, что нет!.. Нездорова! – воскликнула Елизавета Петровна. – Припадки, что я вам говорила, продолжают.

– Что же это значит? – спросил ее со вниманием Елпидифор Мартыныч.

– Что значит? Я думаю, что обыкновенно это значит, – отвечала Елизавета Петровна. – Беременна, кажется, – произнесла она, помолчав немного и более тихим голосом, чем обыкновенно говорила.

– Вот тебе на! – сказал Елпидифор Мартыныч.

– И потому, господин его сиятельство, – продолжала Елизавета Петровна, как-то гордо поднимая свою громадную грудь, – теперь этими пустяками, которые нам дает, не думай у меня отделаться; как только ребенок родится, он его сейчас же обеспечь двадцатью или тридцатью

тысячами, а не то я возьму да и принесу его супруге на окошко: «На поди, нянчись с ним!» Вы, пожалуйста, так опять ему и передайте.

Елпидифор Мартыныч на это молчал. Елизавета Петровна, заметив его несколько суровое выражение в лице, поспешила прибавить:

– Устройте вы мне это дело, – тысячу рублей вам за это дам, непременно!

Елпидифор Мартыныч и на это усмехнулся только и ни слова не говорил.

– Вот записку сейчас дам вам в том, – сказала Елизавета Петровна и, с необыкновенной живостью встав с лавки, сбегала в комнаты и написала там записку, в которой обязывалась заплатить Елпидифору Мартынычу тысячу рублей, когда получит от князя должные ей тридцать тысяч.

– Вот-с, извольте получить! – говорила она, подавая ему ее.

Елпидифор Мартыныч взял записку и, опять усмехнувшись, положил ее в карман.

– Не знаю, как мне вам устроить это, – произнес он как-то протяжно.

– Знаете!.. Полноте, друг мой!.. Вы все знаете! – говорила Елизавета Петровна нараспев и ударяя доктора по плечу.

– Да, знаю! Нет, сударыня, в нынешнем веке не узнаешь ничего: по-нашему, кажется, вот непременно следовало, чтобы вышло так, а выйдет иначе! – проговорил Елпидифор Мартыныч и затем, встав с лавочки, стал застегивать свое пальто. – Пора, однако, – заключил он.

Елизавета Петровна проводила его до самой пролетки.

Елпидифор Мартыныч велел себя везти в Свиблово, чтобы кстати уже заехать и к Анне Юрьевне. Он таким образом расположил в голове план своих действий: о беременности Елены он намерен был рассказать княгине, так как она этим очень интересовалась; о деньгах же на ребенка опять намекнуть Анне Юрьевне, которая раз и исполнила это дело отличнейшим образом. Но, приехав в Свиблово, он, к великому горю своему, застал Анну Юрьевну не в комнатах, а на дворе, около сарая, в полумужской шляпе, в замшевых перчатках, с хлыстом в руке и собирающуюся ехать кататься в кабриолете на одном из бешеных рысаков своих.

– Убирайтесь назад, не вовремя приехали! – крикнула было та ему на первых порах.

– Ну, что делать! – сказал Елпидифор Мартыныч, несколько сконфуженный таким приемом, и собиравшись было отправиться в обратную, но Анна Юрьевна, увидав на нем его уморительную шинель на какой-то клетчатой подкладке и почему-то с стоячим воротником, его измятую и порыжелую шляпу и, наконец, его кислую и недовольную физиономию, не вытерпела и возымела другое намерение.

– Елпидифор Мартыныч, садитесь со мной и поедemте кататься. Ну, слезайте же поскорее с вашей пролетки! – приказывала она ему, усевшись сама в свой кабриолет.

Елпидифор Мартыныч повел глазами на сердито стоящего коня Анны Юрьевны, послушаться, однако, не смел и, сказав своему кучеру, чтобы он ехал за ними, неуклюже и робко полез в довольно высокий кабриолет. Грум слегка при этом подсадил его, и только что Елпидифор Мартыныч уселся, и уселся весьма неловко, на левой стороне, к чему совершенно не привык, и не всем даже телом своим, – как Анна Юрьевна ударила вожжами по рысаку, и они понеслись по колеистой и неровной дороге. С Елпидифора Мартыныча сейчас же слетела шляпа; шинель на клетчатой подкладке распахнулась и готова была попасть в колеса, сам он начал хвататься то за кабриолет, то даже за Анну Юрьевну.

– Матушка, матушка, Анна Юрьевна... потише... убьете... ей-богу, убьете! – кричал он почти благим матом, но Анна Юрьевна не унималась и гнала лошадь.

Рысак, вытянув голову и слегка только пофыркивая, все сильнее и сильнее забирал.

– Господи!.. Господи! – продолжал кричать Елпидифор Мартыныч и стремился было сцапать у Анны Юрьевны вожжи, чтобы остановить лошадь.

– Не смейте этого делать! – прикрикнула та на него и еще сильнее ударила вожжами по рысаку.

Елпидифор Мартыныч начал уже читать предсмертную молитву; но в это время с парика его пахнуло на Анну Юрьевну запахом помады; она этого никак не вынесла и сразу же остановила рысака своего.

– Ступайте вон! С вами невозможно так близко сидеть, – сказала она ему.

Елпидифор Мартыныч, нисколько этим не обиженный, напротив, обрадованный, сейчас же слез, а Анна Юрьевна, посадив вместо него своего грума, ехавшего за ними в экипаже доктора, снова помчалась и через минуту совсем скрылась из глаз.

– Эка кобыла ногайская!.. Эка кобыла бешеная! – говорил Елпидифор Мартыныч, обтирая грязь и сало, приставшие от колес к его глупой шинели.

– У них-с не кобыла это, а мерин! – заметил ему кучер его.

– Я не об лошади говорю, а об барыне! – возразил ему с досадой Елпидифор Мартыныч.

– Д-да! Об барыне! – сказал, усмехнувшись, кучер.

IX

В этот же самый день князь ехал с другом своим бароном в Москву осматривать ее древности, а потом обедать в Троицкий трактир. Елена на этот раз с охотой отпустила его от себя, так как все, что он делал для мысли или для какой-нибудь образовательной цели, она всегда с удовольствием разрешала ему; а тут он ехал просвещать своего друга историческими древностями.

День был превосходнейший. Барон решительно наслаждался и природой, и самим собой, и быстрой ездой в прекрасном экипаже; но князь, напротив, вследствие утреннего разговора с женой, был в каком-то раздраженно-насмешливом расположении духа. Когда они, наконец, приехали в Москву, в Кремль, то барон всеми редкостями кремлевскими начал восхищаться довольно странно.

– Как это мило! – почему-то произнес он, останавливаясь перед царь-колоколом.

– Что же тут милого? – спросил его князь удивленным голосом.

– То есть интересно, хотел я сказать, – поправился барон и перед царь-пушкой постарался уже выразиться точнее.

– *C'est magnifique!*⁵⁹ – проговорил он, надевая пенсне и через них осматривая пушку.

– *Magnifique* еще какой-то выдумал! – сказал князь, покачав головой.

– Ах, кстати: я, не помню, где-то читал, – продолжал барон, прищуривая глаза свои, – что в Москве есть царь-пушка, из которой никогда не стреляли, царь-колокол, в который никогда не звонили, и кто-то еще, какой-то государственный человек, никогда нигде не служивший.

– Ты это у Герцена читал, – сказал ему князь.

– Так, так!.. Да, да! – подтвердил с удовольствием барон. – Этот Герцен ужасно какой господин остроумный, – присовокупил он.

– Он и побольше, чем остроумный, – заметил каким-то суровым голосом князь.

– Конечно, конечно! – согласился и с этим барон.

В Оружейную палату князь повел его мимо Красного крыльца и соборов.

Барон заглянул в дверь Успенского собора и проговорил: «Святыня русская!» Перед вновь вызолоченными главами Спаса-на-Бору он снял даже шляпу и перекрестился; затем, выйдя на набережную и окинув взором открывшееся Замоскворечье, воскликнул: «Вот она, матушка Москва!»

Все эти казенные и стереотипные фразы барона князь едва в состоянии был выслушивать.

Всходя по лестнице Оружейной палаты, барон сказал, показывая глазами на висевшие по бокам картины: «Какая славная кисть!»

– Прескверная! – повторил за ним князь.

– Ого, сколько ружей! – воскликнул барон, войдя уже в первую залу со входа.

– Много, – повторил за ним князь.

В комнате с серебряной посудой барон начал восхищаться несколько поискреннее.

– Отличные сюжеты, замечательные! – говорил он, осматривая в пенсне вещи и закинув при этом несколько голову назад. Наконец, к одному из блюд он наклонился и произнес, как бы прочитывая надпись: «Блюдо»!

– Что ж «Блюдо»? Читай дальше, – сказал князь, стоявший сзади барона и насмешливо смотревший на него.

– «Блюдо»! – повторил барон, но дальше решительно ничего не мог прочитать.

– Э, да ты, брат, по-славянски-то совсем не умеешь читать! – подхватил князь.

⁵⁹ Это великолепно! (франц.).

– Да, то есть так себе... Плохо, конечно!.. – отвечал как-то уклончиво барон и поспешил перейти в другое отделение, где хранились короны и одежды царские.

– Это архиерейские одежды? – спросил барон, останавливаясь перед первым шкафом.

– Нет, это одежды царей, – отвечал протяжно сопровождавший его чиновник, – архиерейские одежды в ризницах.

– Те в ризницах? – почему-то переспросил с любопытством барон.

– В ризницах, – повторил ему еще раз чиновник.

Что касается до драгоценных камней, то барон, по-видимому, знал в них толк.

– Это очень дорогая вещь, – сказал он, показывая на огромный рубин в короне Анны Иоанновны.⁶⁰

– Да-с, – повторил чиновник.

– Этакая прелесть, чудо что такое! – произносил барон с разгоревшимися уже глазами, стоя перед другой короной и смотря на огромные изумрудные камни. Но что привело его в неописанный восторг, так это бриллианты в шпаге, поднесенной Парижем в 14-м году Остен-Сакену.⁶¹

– Восемь штук таких бриллиантов!.. Восемь штук! – восклицал барон. – Какая грань, какая вода отличная! – продолжал он с каким-то даже умилением, и в этом случае в нем, может быть, даже кровь сказывалась, так как предание говорило, что не дальше как дед родной барона был ювелир и торговал на Гороховой, в небольшой лавочке, золотыми вещами.

После бриллиантов барон обратил некоторое внимание на старинные экипажи, которые его поразили своею курьезностью.

– Что это за безобразие, что это за ужас! – говорил он, пожимая плечами.

– Покажи и тебя через десять лет в твоём пиджаке, – и ты покажешься ужасом и безобразием, – заметил ему князь.

– Тут не в том дело! Они сложны, огромны, но комфорта в них все-таки нет, – возразил барон.

– Никак не меньше нынешнего: попробуй, сядь, – сказал ему князь, явно желая подшутить над приятелем.

– Гораздо меньше! – воскликнул барон и в самом деле хотел было сесть, но чиновник не пустил его.

– Нет-с, этого нельзя, – сказал он ему не совсем, впрочем, смелым голосом.

– Жаль! – произнес барон и пошел дальше.

Когда они, наконец, стали совсем выходить, чиновник обратился к князю, которого он немножко знал, и спросил его почти на ухо:

– Кто это с вами, министр, что ли, какой?

Барон очень уж важен показался ему по виду своему.

– Нет, барон один, – отвечал ему с улыбкой и не без умысла князь.

– Ах, он ягель немецкий, трава болотная! – зашипел, заругался чиновник. – Недаром меня так претило от него!

Почтенный смотритель древностей был страшный русак и полагал, что все несчастья в мире происходят оттого, что немцы на свете существуют.

В Троицком трактире барон был поставлен другом своим почти в опасное для жизни положение: прежде всего была спрошена ботвинья со льдом; барон страшно жаждал этого блюда и боялся; однако, начал его есть и с каждым куском ощущал блаженство и страх; потом князь хотел закатить ему двухдневных щей, но те барон попробовал и решительно не мог есть.

⁶⁰ Анна Иоанновна – русская императрица с 1730 по 1740 год.

⁶¹ Остен-Сакен, Дмитрий Ерофеевич (1790—1881) – граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник всех войн России против наполеоновской Франции.

– Ах, ты, габерсупник⁶²! – сказал ему почти с презрением князь.

– Почему же габерсупник? – возразил барон, как бы даже обидевшись таким названием.

Вина за обедом было выпито достаточное количество, так что барон сильно захмелел, а князь отчасти, в каковом виде они и отправились домой.

– Это Сухарева башня? – говорил барон не совсем даже твердым языком и устремляя свои мутные глаза на Сухареву башню.

– Сухарева! – отвечал ему прежним же насмешливым тоном князь.

– Ее Брюс⁶³ построил? – продолжал барон надменной и наглейшим образом.

– И не думал! – возразил ему серьезно князь.

– Как не думал? – воскликнул барон. – Я положительно знаю, что водопровод ваш и Сухареву башню построил Брюс.

– Ну, да, Брюс!.. Ври больше! – произнес уже мрачно князь.

– Нет, не вру, потому что в России все, что есть порядочного, непременно выдумали иностранцы, – сказал барон, вспыхивая весь в лице.

– Отчего же ты до сих пор ничего порядочного не выдумал? – спросил его князь.

– Отчего я?.. Что же ты меня привел тут в пример? Я не иностранец! – говорил барон.

– Врешь!.. Врешь! Иностранцем себя в душе считаешь! – допекал его князь.

– Вот вздор какой! – рассмеялся барон, видимо, стараясь принять все эти слова князя за приятельскую, не имеющую никакого смысла шутку; затем он замолчал, понурил голову и вскоре захрапел.

Князь же не спал и по временам сердито и насмешливо взглядывал на барона. Его, по преимуществу, бесила мысль, что подобный человек, столь невежественный, лишенный всякого чувства национальности, вылезет, пожалуй, в государственные люди, – и князю ужасно захотелось вышвырнуть барона на мостовую и расшибить ему об нее голову, именно с тою целью, чтобы из него не вышел со временем государственный человек.

По возвращении в Останкино, барон, не совсем еще проспавшийся, пошел досыпать, а князю доложили, что присылала Анна Юрьевна и что вечером сама непременно будет. Между тем княгиня велела ему сказать, что она никак не может выйти из своей комнаты занимать гостью, а поэтому князю самому надобно было оставаться дома; но он дня два уже не видал Елены: перспектива провести целый вечер без нее приводила его просто в ужас. Проклиная в душе всех на свете кузин, князь пошел к Елене и стал ее умолять прийти тоже к ним вечером.

– Но меня жена ваша, может быть, не велит принять, или, еще хуже того, приняв, попросит уйти назад! – возразила ему Елена.

– Что за пустяки! – произнес князь. – Во-первых, жена моя никогда и ни против кого не сделает ничего подобного, а во-вторых, она и не выйдет, потому что больна.

– Да, если не выйдет, в таком случае приду с удовольствием, – сказала Елена.

Сидеть с гостями князь предложил в саду, где, по его приказанию, был приготовлен на длинном столе чай с огромным количеством фруктов, варенья и даже вина.

Анна Юрьевна приехала в своей полумужской шляпе и вся покрасневшая от жару. Она сейчас же села и начала тяжело дышать. Увы! Анна Юрьевна, благодаря ли московскому климату, или, может быть, и летам своим, начала последнее время сильно полнеть и брюзгнуть. Князь представил ей барона, который окончательно выпался и был вымытый, причесанный, в черном сюртучке и в легоньком цветном галстуке. Вскоре затем пришла и Елена: огромный черный шиньон и черные локоны осеняли ее бледное лицо, черное шелковое платье шикарнейшим образом сидело на ней, так что Анна Юрьевна, увидав ее, не могла удержаться и невольно воскликнула:

⁶² Габерсупник – человек, питающийся «габерсупом» – лечебной жидкой овсяной кашей.

⁶³ Брюс, Яков Вилимович (1670—1735) – государственный деятель и ученый, сподвижник Петра I.

– Как вы прелестны сегодня!..

И сама при этом крепко-крепко пожала ей руку.

Барон тоже благосклонным образом наклонил перед Еленой голову, а она, в свою очередь, грациозно и несколько на польский манер, весьма низко поклонилась всем и уселась потом, по приглашению князя, за стол.

– Et madame la princesse?⁶⁴ – спросила она, как бы ничего не зная.

– Она больна, – отвечал князь.

– И довольно серьезно, кажется, – заметила Анна Юрьевна, на минуту заходившая к княгине.

– Серьезно? – переспросила ее Елена.

– По-видимому, – отвечала Анна Юрьевна.

– Ну, нет! С ней это часто бывает, – возразил князь и, желая показать перед бароном, а отчасти и перед Анной Юрьевной, Елену во всем блеске ее ума и образования, поспешил перевести разговор на одну из любимых ее тем.

– Mademoiselle Helene! – отнесся он к ней. – Вы знаете ли, что мой друг, барон Мингер, отвергает теорию невменяемости и преступлений!⁶⁵

– Я? – переспросил барон, совершенно не помнивший, чтобы он говорил или отвергал что-нибудь подобное.

– Да, вы!.. Во вчерашнем нашем разговоре вы весьма обыкновенные поступки называли даже виной, – пояснил ему князь.

– А! – произнес многозначительно, но с улыбкою барон.

– А вы не согласны с этою теорией? – спросила его Елена.

– Да, не согласен, – отвечал барон, хотя, в сущности, он решительно не знал, с чем он, собственно, тут не согласен.

– Но почему же? – спросила его Елена.

– Потому что преступление... самое название показывает, что человек преступил тут известные законы и должен быть наказан за то.

– А что такое самые законы, позвольте вас спросить? – допрашивала его Елена.

– Законы суть поставленные грани, основы, на которых зиждется и покоится каждое государство, – отвечал барон, немного сконфузясь: он чувствовал, что говорит свое, им самим сочиненное определение законов, но что есть какое-то другое, которое он забыл.

– Законы суть условия, которые люди, составившие известное общество, заключили между собой, чтобы жить вместе, – так?.. – пояснила Елена барону и вместе с тем как бы спросила его.

– Так! – согласился он с ней.

Князь при этом усмехнулся.

– Вот тебе на! – сказал он. – Ты, значит, отказываешься от нашего казенного юридического определения, что законы суть продукт верховной воли, из которой одной они проистекают.

– Нисколько я не отказываюсь от этого определения, и, по-моему, оно вовсе не противоречит определению mademoiselle Helene, так как касается только формы утверждения законов: законы всюду и везде основываются на потребностях народа и для блага народа издаются, – проговорил барон, начинавший видеть, что ему и тут придется биться, и потому он решился, по крайней мере, взять смелостью и изворотливостью ума.

⁶⁴ А госпожа княгиня? (франц.).

⁶⁵ ...теория невменяемости и преступлений – разрабатывалась прогрессивными юристами XIX века (Грольман, Фейербах и их последователи).

– Нет, оно более чем одной только формы утверждения законов касается, – возразила ему Елена, – а потому я все-таки буду держаться моего определения, что законы суть договоры⁶⁶; и вообразите, я родилась в известном государстве, когда договоры эти уже были написаны и утверждены, но почему же я, вовсе не подписавшаяся к ним, должна исполнять их? Договоры обязательны только для тех, кто лично их признал.

– Если вы не признаете законов, то можете уйти из этого общества.

– Нет, не могу, потому что по русским, например, законам меня накажут за это.

– Да, по русским! – произнес барон с оттенком некоторой уже усмешки.

– Кроме того-с, – продолжала Елена, вся раскрасневшаяся даже в лице, – всех законов знать нельзя, это требование невыполнимое, чтобы неведением законов никто не отзывался: иначе людям некогда было бы ни землю пахать, ни траву косить, ни дорог себе строить. Они все время должны были бы изучать законы; люди, хорошо знающие законы, как, например, адвокаты, судьи, огромные деньги за это получают.

– Я согласен, что нельзя знать всех законов в подробностях, – сказал барон, – но главные, я думаю, все вообще знают: кто же не знает, что воровство, убийство есть преступление?

– Положим даже, что это преступление, но наказывать-то за него не следует! – возразила Елена.

– Как не следует? – спросил барон, откинувшись даже в недоумении на задок стула.

Анна Юрьевна тоже взглянула на Елену не без удивления.

– Не следует-с, – повторила та решительно. – Скажите вы мне, – обратилась она к барону, – один человек может быть безнравствен?

– Конечно, может, – отвечал барон, немного подумав: он уже стал немножко и опасаться, не ловит ли она его тут на чем-нибудь.

– А целое общество может быть безнравственно? – продолжала Елена допрашивать его.

– Не может, полагаю, – отвечал барон, опять как-то не совсем решительно.

– И теперь, смотрите, что же выходит, – продолжала Елена.

Барон даже покраснел при этом, опять полагая, что она его совсем изловила.

– Человек делает скверный, безнравственный поступок против другого, убивает его, – говорила Елена, – и вдруг потом целое общество, заметьте, целое общество – делает точно такой же безнравственный поступок против убийцы, то есть и оно убивает его!

Барон вздохнул посвободнее; он сознавал с удовольствием, что не совсем еще был сбит своею оппоненткою.

– Это делается с целью устрашить других, – произнес он, припоминая еще на школьных скамейках заученную им теорию устрашения.⁶⁷

– Эге, какую старину ты вынес! – заметил ему князь.

– Но мало что старину! – подхватила Елена. – А старину совершенно отвергнутую. Статистика-с очень ясно нам показала, – продолжала она, обращаясь к барону, – что страх наказания никого еще не остановил от преступления; напротив, чем сильнее были меры наказания, тем больше было преступлений.

– Но как же, однако, моя милая, делать с разными негодями и преступниками? – вмешалась в разговор Анна Юрьевна, далеко не все понимавшая в словах Елены и в то же время весьма заинтересовавшаяся всем этим разговором.

– Да никак, потому что, в сущности, преступников нет! Они суть только видимое проявление дурно устроенного общественного порядка, а измените вы этот порядок, и их не будет!.. Но положим даже, что порядок этот очень хорош, и что все-таки находятся люди, которые не

⁶⁶ Законы суть договоры – юридическое и социологическое учение, возникшее в XVIII веке и разрабатывавшееся передовыми мыслителями своего времени – Беккариа, Руссо и другими.

⁶⁷ ...теория устрашения – в учении о целях наказания за уголовное преступление, иначе называется теорией психического принуждения; разрабатывалась Фейербахом (1775—1833).

хотят подчиняться этому порядку и стремятся выскочить из него; но и в таком случае они не виноваты, потому что, значит, у них не нашлось в голове рефлексов⁶⁸, которые могли бы остановить их в том.

– Но это же самое можно ведь сказать и про общество! – возразил уже князь Елене. – И оно тоже не виновато, что у него нет в мозгу рефлексов, способных удержать его от желания вздернуть всех этих господ на виселицу.

– Нет, у целого общества никак не может быть этого, – возразила ему, в свою очередь, Елена, – всегда найдется на девять человек десятый, у которого будет этот рефлекс.

– Но отчего же остальные девять свою волю должны будут подчинять этому десятому: это тоже своего рода насилие, – продолжал князь.

– Как подчиняются слепые зрячему – не почему более, и пусть он даже насиловать их будет: это зло временное, за которым последует благо жизни, – отвечала Елена.

Последнего спора Елены с князем ни барон, ни Анна Юрьевна не поняли нисколько, и барон, видимо решившийся наблюдать глубочайшее молчание, только придал своему лицу весьма мыслящее выражение, но Анна Юрьевна не унималась.

– Если уж говорить о несправедливостях, – воскликнула она, тоже, видно, желая похвастать своими гуманными соображениями, – так войны вредней всего. Des milliers d'hommes combattent les uns centre les autres!⁶⁹ Изобретают самые смертоносные орудия!.. Дают кресты и награды тем, кто больше зверства показал!

Теорию эту перед Анной Юрьевной, когда-то за границей, развивал один француз и говорил при этом превосходнейшим французским языком, жаль только, что она не все помнила из его прекрасных мыслей.

– Война войне розь, – сказал ей с улыбкою князь.

– Еще бы! – подхватила Елена.

– Какая розь! Всякая война есть смерть и ужас! – воскликнула Анна Юрьевна.

– Ужас, но необходимый, – опять прибавил князь и сам сначала хотел было говорить, но, заметив, что и Елена тоже хочет, предоставил ей вести речь.

– Войны бывают разные⁷⁰, – начала та. – Первая, самая грубая форма войны – есть набег, то есть когда несколько хищных лентяев кидаются на более трудолюбивых поселян, грабят их, убивают; вторые войны государственные, с целью скрепить и образовать государство, то есть когда сильнейшее племя завоевывает и присоединяет к себе слабейшее племя и навязывает формы жизни, совершенно не свойственные тому племени; наконец, войны династические, мотив которых, впрочем, кажется, в позднейшее время и не повторялся уже больше в истории: за неаполитанских Бурбонов⁷¹ никто и не думал воевать! Но есть войны протестующие, когда общество отбивает себе права жизни от какой-нибудь домашней тирании или от внешнего насилия: те войны почтенны, и вожди их стоят благословения людей.

– О, да вы революционерка ужасная! – опять воскликнула Анна Юрьевна, вполне уже понявшая на этот раз все, что говорила Елена.

Вообще, в области войн Анна Юрьевна была развитее, чем в других областях знаний человеческих, вероятно, оттого, что очень много в жизни сталкивалась с военными и толковала с ними.

⁶⁸ Рефлексы – термин, ставший популярным в России после выхода в свет знаменитой книги великого физиолога-материалиста И.М.Сеченова (1829—1905) «Рефлексы головного мозга» (1863). Прямое значение слова «рефлекс» – «отражение».

⁶⁹ Тысячи людей сражаются друг с другом (франц.).

⁷⁰ ...войны бывают разные. – Здесь варьируются высказывания Н.Г.Чернышевского из его «Очерков гоголевского периода русской литературы» и других его сочинений.

⁷¹ Бурбоны неаполитанские – королевская династия, правившая Неаполитанским королевством в 1735—1806 и 1815—1860 годах.

– Мне, может быть, ничего бы этого перед вами, как перед начальницей моей, не следовало говорить! – произнесла Елена, с веселою покорностью склоняя перед Анной Юрьевной голову.

– О, как вам не стыдно, *ma chere*, – произнесла та, – но я надеюсь, что вы подобных вещей детям не говорите!

– Я думаю! – отвечала Елена голосом, как бы не подлежащим сомнению.

– Революционерные идеи, как бы кто ни был с ними мало согласен, в вас имеют такую прекрасную проповедницу, что невольно им подчиняешься! – сказал Елене барон.

– *Merci, monsieur!* – произнесла та, склоняя тоже несколько и перед ним голову.

В это время вдруг вошла горничная княгини в сад.

– Княгиня приказала вас просить не разговаривать так громко; они хотят почивать лечь, – обратилась она к князю.

Тот побледнел даже от досады, услышав это.

– Здесь и то негромко разговаривают! – сказал он.

– Ах, это я виновата, я говорила громко, – произнесла Елена явно насмешливым голосом.

– Барыня еще просила вас непременно поутру зайти к ним, – продолжала снова горничная, обращаясь к князю.

Бедная княгиня, услышав, что Елена у них в гостях, не выдержала и вознамерилась завтра же непременно и решительно объясниться с мужем.

– Ну, хорошо, ступай! – отвечал князь все с той же досадой.

Горничная хотела было уйти, но к ней обратилась Анна Юрьевна:

– Скажи княгине, что я сейчас зайду к ней проститься.

– Слушаю-с! – отвечала горничная и ушла.

Анна Юрьевна начала прощаться с хозяином и с гостями его.

– Заходите, пожалуйста, ко мне, – сказала она Елене гораздо уже более искренним голосом, чем говорила ей о том прежде. Елена в этот раз показалась ей окончательно умной девушкой. – Надеюсь, что и вы меня посетите! – присовокупила Анна Юрьевна барону.

– Сочту для себя за величайшую честь, – отвечал тот, с почтением поклонившись ей.

Анна Юрьевна ушла сначала к княгине, а через несколько времени и совсем уехала в своем кабриолете из Останкина. Князь же и барон пошли через большой сад проводить Елену домой. Ночь была лунная и теплая. Князь вел под руку Елену, а барон нарочно стал поотставать от них. По поводу сегодняшнего вечера барон был не совсем доволен собой и смутно сознавал, что в этой проклятой службе, отнимавшей у него все его время, он сильно поотстал от века. Князь и Елена между тем почти шепотом разговаривали друг с другом.

– Ты восхитительна сегодня была!.. Обворожительна!.. – говорил он, крепко прижимая своей рукой руку Елены к себе.

– Вот как, восхитительна, – говорила та, отвечая ему таким же пожатием.

– Что удивительнее всего, – продолжал князь, – все эти умные женщины, так называемые *bas bleux*⁷², обыкновенно бывают некрасивы, а в тебе четыре прелести: ум, образование, красота и грация!

– Ну да, совершенство природы. – отвечала с усмешкою Елена, – погоди, узнаешь много и пороков во мне! – прибавила она серьезнее.

– Я пока один только и знаю, – подхватил князь.

– А именно?

– Ревность.

– Ну, это не порок, а скорее глупость, – отвечала Елена.

⁷² синие чулки (франц.).

– Je vous salue, messieurs, et bonne nuit!⁷³ – заключила она, оставляя руку князя и кланяясь обоим кавалерам.

В это время они были уже около самой дачи Жиглинских.

– Adieu! – сказал ей с чувством князь.

– Adieu! – повторил за ним с чувством и барон.

Елена скрылась потом в калиточку своего сада, друзья же наши пошли обратно домой.

– Как вы находите сию девицу? – спросил князь после некоторого молчания.

– Я умней и образованней женщины еще не встречал! – отвечал барон, по-видимому, совершенно искренно.

– Я думаю! – произнес самодовольно князь.

– Уверяю тебя! – подтвердил еще раз барон и, присвистнув, сбил своей палочкой листок с дерева.

⁷³ Я вас приветствую, господа, и спокойной ночи! (франц.).

Х

На другой день, часов в двенадцать утра, князь ходил по комнате жены. Княгиня по-прежнему сидела не одетая в постели, и выражение ее доброго лица было на этот раз печальное и сердитое. Объяснение между ними только что еще началось.

– Как это было глупо вчера с вашей стороны, – начал князь, – прислать вдруг горничную сказать нам, как школьникам, чтобы не шумели и тише разговаривали!..

– Но я больна – ты это забываешь!.. – возразила ему княгиня.

– Ничего вы не больны! – сказал с сердцем князь.

– Как не больна? – воскликнула княгиня с удивлением, – ты после этого какой-то уж жестокий человек!.. Вспомни твои поступки и пойми, что не могу же я быть здорова и покойна! Наконец, я требую, чтобы ты прямо мне сказал, что ты намерен делать со мной.

– Как что такое делать? – спросил князь.

– Так!.. Тебе надобно же куда-нибудь девать меня! Нельзя же в одном доме держать любовницу и жену!

Князь при этом слегка только побледнел.

– Я любовницы моей не держу с вами в одном доме! – проговорил он.

Этот ответ, в свою очередь, сильно поразил княгиню: она никак не ожидала от мужа такой откровенности.

– Но все равно: она в двух шагах отсюда живет, – проговорила она.

– Нет, дальше, в целой версте!.. – отвечал насмешливо и как бы совершенно спокойно князь.

– Но научите же, по крайней мере, меня, – продолжала княгиня, и в голосе ее послышались рыдания, – как я должна себя вести; встречаться и видаться с ней я не могу: это выше сил моих!

– Не видайтесь, если этого вам не угодно, – сказал князь все тем же тоном.

– Но она бывает у нас! – возразила княгиня. – Следовательно, я должна убегать и оставлять мой дом.

– Не бывать она у нас не может, потому что это повлечет огласку и прямо даст повод объяснить причину, по которой она у нас не бывает! – проговорил князь.

– Вы боитесь огласки, которая, вероятно, и без того есть, – сказала княгиня, – а вам не жаль видеть бог знает какие мои страдания!

– Ваши страдания, поверьте вы мне, слишком для меня тяжелы! – начал князь, и от душевного волнения у него даже пересохло во рту и голос прервался, так что он принужден был подойти к стоявшему на столе графину с водой, налил из него целый стакан и залпом выпил его.

– Мне очень вас жаль, – продолжал он, – и чтобы хоть сколько-нибудь улучшить вашу участь, я могу предложить вам одно средство: разойдемтесь; разойдемтесь, если хотите, форменным порядком; я вам отделию треть моего состояния и приму даже на себя, если это нужно будет, наказание по законам...

Такое предложение мужа княгиню в ужас привело: как! Быть разводкой?.. Потерять положение в обществе?.. Не видеть, наконец, князя всю жизнь?.. Но за что же все это?.. Что она сделала против него?..

– Нет, князь, я не желаю с вами расходиться, – проговорила она, и рыдания заглушили ее слова.

– Отчего же? – спросил князь каким-то трудным голосом.

– Оттого... оттого... – рыдания княгини все усиливались и усиливались, – оттого, что я, несчастная, люблю еще вас! – почти прокричала она.

Князь при этом потемнел даже весь в лице: если бы княгиня продолжала сердиться и укорять его, то он, вероятно, выдержал бы это стойко, но она рыдала и говорила, что еще любит его, – это было уже превыше сил его.

– Пошадите и вы меня тоже! – едва выговорил он и, растирая грудь, подошел к открытому окну, как бы затем, чтобы вдохнуть в себя свежего воздуха.

Такое проявление чувства в муже княгиня сейчас же подметила, и это ее порадовало: рыдания ее стали мало-помалу утихать.

– Но, может быть, ты когда-нибудь разлюбишь ее и полюбишь меня снова, – проговорила она уже вкрадчивым голосом.

– Нет, я ее не разлюблю! – отвечал князь, продолжая смотреть в окно.

Слова эти опять оскорбили и огорчили княгиню.

– Как она очаровала тебя, но чем, я желала бы знать? – проговорила она.

Князь молчал.

– А что, если я сама кого полюблю, как тебе это покажется? – присовокупила княгиня уже внушительным тоном: она, кажется, думала сильно напугать этим мужа.

– О, ты тогда такое ярмо снимешь с души моей! – произнес он.

– Так, стало быть, ты в самом деле желаешь этого? – спросила княгиня стремительно.

– Очень желаю! – отвечал князь глухо.

– Благодарю за позволение, и теперь действительно какого мне ждать возвращения от вас, когда вы таким образом третируете меня?

– Но чем же я вас дурно третирую? – спросил князь, повертываясь лицом к жене.

– Тем, что мы горничной, я думаю, не желаем в доме иметь с такими милыми качествами, а вы хотите, чтобы у вас жена была такая.

– Ну, в этом случае мы никогда с тобой не столкнемся! – сказал князь и не хотел более продолжать разговора об этом.

Княгине, разумеется, и в голову не приходило того, что князь разрешает ей любовь к другому чисто из чувства справедливости, так как он сам теперь любит другую женщину. Она просто думала, что он хочет этим окончательно отделаться от нее.

– Объяснение наше, полагаю, кончилось? – проговорил он, протягивая княгине руку.

– Если хотите, кончилось! – отвечала она с грустной усмешкой и пожимая плечами.

– И надеюсь, что вы скоро выздоровеете? – присовокупил князь.

– Не знаю! – отвечала княгиня.

Князь ушел.

Княгиня после его ухода сейчас же встала с постели и начала ходить по комнате. Она как бы мгновенно выросла душой: в том, что муж ее не любил, княгиня больше не сомневалась, и, в отместку ему, ей ужасно захотелось самой полюбить кого-нибудь. Но кого же? Разве барона? Тем более, что он в нее был прежде влюблен так, что она даже не желала его приезда к ним в Москву именно из опасения, что он будет ухаживать за ней; а теперь – пусть ухаживает! Она сама даже ответит на его чувства и посмотрит, как этим снимет тяжелое ярмо с души князя: тонкое чувство женщины, напротив, говорило в княгине, что это очень и очень не понравится князю. Чтобы начать приводить свой план в исполнение, княгиня тут же позвала горничную, оделась; мало того, постаралась одеться щеголевато, велела себе вынести кресло на террасу и вышла туда, чтобы сейчас же послать за бароном, но, сверх всякого ожидания, увидала его уже гуляющим в их небольшом палисадничке. По странному стечению обстоятельств, барон в эти минуты думал почти то же самое, что и княгиня: в начале своего прибытия в Москву барон, кажется, вовсе не шутя рассчитывал составить себе партию с какой-нибудь купеческой дочкой, потому что, кроме как бы мимолетного вопроса князю о московском купечестве, он на другой день своего приезда ни с того ни с сего обратился с разговором к работавшему в большом саду садовнику.

– А что, любезный, купцы здесь живут? – спросил он его.

– Нет-с, купечество здесь мало живет; они больше в парках и Сокольниках живут; там их настоящее место, – отвечал тот.

– Так здесь они и не бывают совсем?

– Наезжают по временам в праздники; вон лошади-то и экипажи, которые лучшие у сада стоят, все это купеческие.

– А здесь так-таки совсем и не живут?

– Живут и здесь два-три купца.

– Которое же это место?

– Да вон тут, как влево из саду пойдете.

– Богатые тоже?

– Сильно богатые! Я работаю у них.

– А семейные или одинокие?

– Какое одинокие, семьища у обоих.

– Сыновья или дочери?

– Есть и дочери, барышни славные! – отвечал садовник, неизвестно почему догадавшийся, что барон, собственно, о барышнях купеческих и интересовался.

– И много за ними приданого дадут? – спросил барон.

– Отвалят порядочно! – протянул садовник.

Барон отошел от него и прямо направился к указанным ему купеческим дачам; прошел мимо них раз десять, все ожидая увидеть в садиках или на балконах какую-нибудь юную фигуру, но не видал ни одной. Вечером он тоже, пойдя в большой сад, заглядывал со вниманием во все хоть сколько-нибудь сносные молодые лица, следил за ними, когда они выходили из сада, и наблюдал в этом случае главным образом над тем, что на извозчиков ли они садились, или в свои экипажи, и какого сорта экипажи, хорошие или посредственные. Все эти розыски, впрочем, не привели его ни к каким желанным результатам, и барон начал уже вспоминать о хорошенькой привязанности Михайла Борисовича, с которой Мингер последние годы весьма приятно проводил время, потому что Михайло Борисович платил только деньги этой привязанности, но любила она, собственно, барона. Барон даже подумывал написать ей, что не приедет ли она на недельку в Москву, взглянуть на этот первопрестольный и никогда не виданный ею город, но в настоящее утро ему пришла совершенно новая мысль. «А что если за княгиней примахнуть?» – подумал он, тем более, что она не только что не подурнела, но еще прелестнее стала, и встретилась с ним весьма-весьма благосклонно; муж же прямо ему сказал, что он будет даже доволен, если кто заслужит любовь его супруги; следовательно, опасаться какой-нибудь неприятности с этой стороны нечего! Скучно тут только, – соображал барон далее, – возиться с барынями; они обыкновенно требуют, чтобы с ними сидели и проводили целые дни; но что ж теперь другое и делать барону было? Службы у него не было, да и когда она еще будет – неизвестно! Значит, приволокнуться за ее сиятельством следует... На этом его решении вдруг раздался голос с террасы:

– Эдуард Федорыч, подите сюда ко мне.

Барон даже вздрогнул. Это звала его княгиня.

– Боже мой, это вы появились, наконец! – воскликнул он, в свою очередь, каким-то даже восторженным тоном и, взойдя на террасу, не преминул поцеловать у княгини ручку; она тоже поцеловала его с удовольствием в щеку.

– Садитесь тут, около меня! – сказала княгиня.

Барон сел.

– Вы, однако, довольно серьезно были больны? – спросил он ее с участием.

– Да!.. Все, впрочем, более от скуки, – отвечала княгиня.

– Но отчего же, однако, вы все скучаете? – спросил барон, стремительно поворачивая к ней свою голову.

– Оттого что... что за жизнь моя теперь? Детей у меня нет!.. Близких людей, хоть сколько-нибудь искренно расположенных ко мне, тоже нет около меня!

– Позвольте мне включить себя в число последних и пояснить вам, что я около вас! – сказал барон.

– Вы на время; вы петербургский гость; опять уедете туда и забудете здешних друзей.

– Нет, я не из таких скоро забывающих людей! – произнес с чувством барон. – Я вот, например, до сих пор, – продолжал он с небольшим перерывом, – не могу забыть, как мы некогда гуляли с вами вдвоем в Парголове в Шуваловском саду и наш разговор там!

Княгиня немного покраснела: барон напоминал ей прямо свое прежнее объяснение в любви.

– А вы помните этот разговор? – спросил он ее уже с нежностью.

– Еще бы!.. – протянула княгиня, потупляя немного глаза свои.

– Но отчего же вы тогда ничего мне не отвечали? – присовокупил барон, весьма ободренный последним ответом ее.

– Мне странно было бы отвечать вам что-нибудь! – сказала княгиня, не поднимая глаз. – Вы были тогда такой еще мальчик!

– Но, однако, другому мальчику вы оказали в этом случае предпочтение! – произнес барон с грустью.

– Сила обстоятельств!.. – проговорила княгиня.

– Будто только? – спросил барон, устремляя на княгиню испытующий взгляд. – Будто вы не были влюблены в вашего жениха?

– Конечно, была влюблена! – поспешно отвечала княгиня, как бы боясь, чтобы ее в самом деле не заподозрили в чем-нибудь противном.

Барон решительно не знал, как и понять ее.

– Да, припоминаю эту минуту, – начал он опять с грустным видом, – когда вас повезли венчать, не дай бог перенести никому того, что я перенес в тот день!

– Однако вы были моим шафером! – смеясь, возразила ему княгиня.

– А хорош я был, припомните?

– Немножко бледен, это правда.

– Хорошо немного бледен, – произнес барон и замолчал, как бы погружаясь в печальные воспоминания.

Княгиня тоже молчала. Перебирая в душе своей все ощущения, она спрашивала себя мысленно, нравится ли ей хоть сколько-нибудь барон, и должна была сознаться, что очень мало; но, как бы то ни было, она все-таки решила продолжать с ним кокетничать.

– Мне бы очень хотелось спросить вас, – заговорил барон, – что, тогдашнее ваше чувство к жениху в настоящее время уменьшилось или возросло?

Княгиня усмехнулась.

– А вам зачем это знать? – спросила она.

– Затем, что я очень желаю это знать! – воскликнул барон.

– Много будете знать, скоро состареетесь, – проговорила княгиня.

– Что же из того! Лучше состариться, чем жить в неизвестности!.. Нет, шутки в сторону!.. Скажите, что я должен сделать, чтоб вы были со мной вполне откровенны?

– Прежде всего вы должны доказать мне преданностью, вниманием ко мне, участием, что заслуживаете моего доверия!

– Все это очень легко сделать, а далее, потом?

– А далее... – начала княгиня, но и приостановилась, потому что в зале в это время раздалось: «К-ха!».

– Ах, это мой доктор!.. Ну, вы теперь потрудитесь уйти, – сказала она встревоженным голосом барону.

Тот с удивлением взглянул на нее.

– Да идите же скорее! – повторила ему настойчиво княгиня.

Барон, делать нечего, сошел с балкона и сел было на ближайшую скамеечку.

– Нет, вы дальше!.. Дальше, туда уходите! – кричала ему княгиня.

Барон пошел дальше.

– Говорят, больная на террасе в саду, значит, здорова, к-ха! – произнес Елпидифор Мартыныч, появляясь из-за стеклянных дверей.

– Получше сегодня! – отвечала ему княгиня.

– И гораздо получше, по лицу это видно! – сказал Елпидифор Мартыныч и сел против княгини. Физиономия его имела такое выражение, которым он ясно говорил, что многое и многое может передать княгине.

– Ну, что же вы узнали о том, о чем я вас просила? – начала та прямо.

– Узнал-с. К-ха! – отвечал Елпидифор Мартыныч.

– Что же?

– А то, что... к-х-ха! – отвечал Елпидифор Мартыныч (во всех важных случаях жизни он как-то более обыкновенного кашлял). – К-ха! Положение, в котором вы подозревали барышню сию, действительно и достоверно оправдывается, к-х-ха!

– Прекрасно, бесподобно; отлично себя устроила! – воскликнула княгиня, побледнев даже в лице.

– Да-с, так уж устроила!.. Мать крайне огорчена, крайне!.. Жаловаться было первоначально хотела на князя, но я уж отговорил. «Помилуйте, говорю, какая же польза вам будет?»

– За что же она хотела жаловаться на него? – перебила его княгиня.

– За то, что дочь погубил, говорит.

– А меня они, как думают, погубили или нет? – спросила княгиня.

Елпидифор Мартыныч молчал.

– Что они меня куклой, что ли, считают, которая ничего не должна ни чувствовать, ни понимать, – продолжала княгиня и даже раскраснелась от гнева, – они думают, что я так им и позволю совершенно овладеть мужем? Что он имеет с этой *mademoiselle* Еленой какую-то связь, для меня это решительно все равно; но он все-таки меня любит и уж, конечно, каждым моим словом гораздо больше подорожит, чем словами *mademoiselle* Елены; но если они будут что-нибудь тут хитрить и восстанавливать его против меня, так я переносить этого не стану! Они жаловаться теперь за что-то хотят на князя, но я прежде ихнего пожалуюсь на них: отец мой заслуженный генерал!.. Государь его лично знает: он ему доложит, и ей, дрянной девчонке, не позволят расстраивать чужое семейное счастье!

– Чего государю? К-ха!.. Генерал-губернатору пожаловаться вам, так ее сейчас же выгнут из Москвы, – не велики особы! – подхватил Елпидифор Мартыныч.

– Именно выгнут из Москвы!.. – согласилась с удовольствием княгиня. – И потом объясните вы этой девчонке, – продолжала она, – что это верх наглости с ее стороны – посещать мой дом; пусть бы она видалась с князем, где ей угодно, но не при моих, по крайней мере, глазах!.. Она должна же хоть сколько-нибудь понять, что приятно ли и легко ли это мне, и, наконец, я не ручаюсь за себя: я, может быть, скажу ей когда-нибудь такую дерзость, после которой ей совестно будет на свет божий смотреть.

– И стоила бы того, ей-богу, стоила бы! – почти воскликнул Елпидифор Мартыныч.

– Потихе говорите! – остановила его княгиня. – И вообразите: вчера я лежу больная, а у них вон в саду хохот, разговоры!

– Бесчувственные люди, больше ничего! – проговорил, но не так уже громко, Елпидифор Мартыныч.

– Мало, что бесчувственные люди, это какие-то злодеи мои, от которых я не знаю, как и спастись! – произнесла княгиня, и на глазах ее показались слезы.

Заметив это, Елпидифор Мартыныч сейчас же принялся утешать ее и привел даже ей пример из ветхозаветной истории.

– Авраам-то и Сарра⁷⁴ в каких тоже уж летах были и вдруг наложница у него оказалась; однако Сарра настояла же на своем, – прогнал он эту Агарь свою в пустыню, и всегда этаких господ Агарей прогоняют и кидают потом... всегда!

Но княгине мало это успокоило, и она даже не слушала Елпидифора Мартыныча, так что он счел за лучшее обратиться к восвоей.

– Прикажете послезавтра приезжать к вам? – спросил он.

– Нет, мне теперь лучше, – отвечала княгиня.

– Хорошо-с! – сказал Елпидифор Мартыныч и к экипажу своему пошел не через залу, а садом, где, увидав сидящего на лавочке барона, заметно удивился. «Это что еще за господин и зачем он тут сидит?» – подумал он про себя.

Барон же, увидав, что доктор уехал, не медля ни минуты, вошел на террасу и сел на этот раз не на стул, а на верхнюю ступеньку лестницы, так что очутился почти у самых ног княгини.

– Удивительное дело! – начал он развязно и запуская руки в маленькие кармашки своих щегольских, пестрых брюк. – До какой степени наши женщины исполнены предрассудков!

– Женщины? Предрассудков? – переспросила княгиня, все еще находившаяся под влиянием дурного впечатления, которое произвел на нее разговор с Иллионским.

– Да!.. Так называемой брачной верности они бог знает какое значение придают; я совершенно согласен, что брак есть весьма почтенный акт, потому что в нем нарождается будущее человечество, но что же в нем священного-то и таинственного?

Барон, ни много ни мало, вздумал развращать княгиню теми самыми мыслями, которые он слышал от князя и против которых сам же спорил.

– Ах, нет, брак очень важная вещь! – произнесла княгиня с прежним задумчивым видом.

– Но чем?

– Как чем? – почти воскликнула княгиня. – Тут женщина впервые отдает себя вполне мужчине.

– Но что же из того? – приступал барон.

– Как что? – возразила ему княгиня, краснея немного в лице.

– Но женщина может отдать себя вполне мужчине и не в браке, и тогда будет то же самое; брак, значит, тут ни при чем.

– Но какая же женщина, в нашем, по крайней мере, сословии, отдаст себя не в браке? Это какая-нибудь очень дрянная! – проговорила княгиня.

– Напротив, женщины и девушки очень хорошие и честные отдают себя таким образом. Что делать? Сила обстоятельств, как сами же вы выразились.

Княгиня сомнительно покачала головой.

– А знаете ли вы, – продолжал барон, – что наши, так называемые нравственные женщины, разлюбив мужа, продолжают еще любить их по-брачному: это явление, как хотите, безнравственное и представляет безобразнейшую картину; этого никакие дикие племена, никакие животные не позволяют себе! Те обыкновенно любят тогда только, когда чувствуют влечение к тому.

Барон почти слово в слово развращал княгиню мыслями князя!

– Никогда женщина не может до такой степени разлюбить мужа! – возразила ему та.

– Совершенно разлюбляют, только не хотят самим себе даже признаться в том! – говорил барон.

⁷⁴ Авраам, Сарра, Агарь – герои библейских легенд.

Он вполне был убежден, что княгиня не любит мужа, но не подумала еще об этом хорошенько; а потому он и старался навести ее на эту мысль.

– В любви все дело минуты, – продолжал он каким-то даже страстным голосом, – например, я десять бы лет жизни отдал, если бы вы позволили мне поцеловать божественную вашу ножку... – И барон при этом указал глазами на маленькую и красивую ножку княгини, выставившуюся из-под ее платья.

– Глупости какие! – воскликнула при этом княгиня, сейчас же пряча ножку свою.

– Клянусь честью, отдал бы десять лет жизни! – шептал барон, устремляя пламенный взгляд на княгиню.

– Не нужно мне ваших десяти лет! – произнесла та с явным неудовольствием. – Муж идет, – прибавила она вслед за тем торопливо.

Вдали, в самом деле, показался князь, шедший с наклоненной головой и с самым мрачным выражением в лице. После объяснения с женой он все время не переставал думать об ней и Елене, спрашивавшей его, чем он так расстроен, ссылаясь на болезнь. Положение его казалось ему очень похожим на глупое положение журавля в топком болоте: хвост вытащил – нос завязнул, нос вытащил – хвост завяз. С женой было ничего – с Еленой дурно шло; с Еленой окончательно помирился – жена взбунтовалась. Впрочем, он княгиню считал совершенно правою и полагал, что если она полюбит кого-нибудь, так он не только что не должен будет протестовать против того, но даже обязан способствовать тому и прикрывать все своим именем!

С такими мыслями он шел домой и, подойдя к террасе, увидел, что княгиня, раздетая и прехорошенькая, в какой-то полулежачей и нежной позе сидела на креслах, а у ног ее помещался барон с красным, пылающим лицом, с разгоревшимися масляными глазами. Княгиня тоже была с каким-то странным выражением в лице. Точно кинжалом кто ударил, при виде всего этого, в сердце князя. «Неужели она, в самом деле, хочет привести в исполнение свою угрозу!.. Что же, это и отлично будет!» – старался было он с удовольствием подумать, но гнев и досада против воли обуяли всем существом его, так что он, не поздоровавшись даже с другом своим, сел на стул и потупил голову. Княгиня все это подметила и крайне была довольна этим, а барона, напротив, такой вид князя сконфузил.

– Что такое с вами, какой вы сегодня пасмурный? – спросил он его заискивающим голосом.

– Я всегда такой!.. – отвечал князь: его, по преимуществу, бесило то, что он не мог чувствовать так, как бы он желал и как бы должен был чувствовать!

XI

Восьмого июля, в день католической Елизаветы, княгине предстояло быть именинницей. Она непременно хотела этот день отпраздновать вечером, который должен был состоять из музыки, танцев, освещения их маленького дачного садика и, наконец, фейерверка. Как бы наперекор всему, княгиня последнее время ужасно старалась веселиться: она по вечерам гуляла в Останкинском саду, каждый почти праздник ездила на какую-нибудь из соседних дач, и всегда без исключения в сопровождении барона, так что, по поводу последнего обстоятельства, по Останкину, особенно между дамским населением, шел уже легонький говор; что касается до князя, то он все время проводил у Елены и, вряд ли не с умыслом, совершенно не бывал дома, чтобы не видеть того, что, как он ни старался скрыть, весьма казалось ему неприятным. С бароном князь был более чем сух и очень насмешлив. Желанию жены отпраздновать свои именины он, конечно, не противоречил и, предоставив ей распоряжаться, как она желает, только спросил ее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.